

Градуал

Автор:

[Кристофер Прист](#)

Градуал

Кристофер Прист

Фантастика: классика и современность

Композитор Алесандро Саскен живет в островном государстве Глонд, ведущем на другом острове бесконечную войну с безликим врагом, солдат которого местные жители никогда не видели. Старшего брата Алесандро призвали в армию, откуда он так и не вернулся, таинственно исчезнув вместе со своим подразделением. Гражданам Глонда запрещены все контакты с другими странами, но иногда музыкант видит на горизонте призрачные миражи других островов, и эти видения дарят ему вдохновение и силы творить. Однажды все меняется и композитора отправляют с концертным туром за границу. Он не знает, почему так произошло и чем заслужил подобную привилегию, но эта поездка изменит его представления о себе, о собственной стране, о музыке и о самой природе времени и пространства, ведь он станет свидетелем странного физического явления под названием градуал.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Кристофер Прист

Градуал

Конраду Уильямсу

Copyright © Christopher Priest 2016

All Rights Reserved

© Владислав Заря, перевод, 2022

© Василий Половцев, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

1

Я рос в мире музыки, во время войны. Война часто вторгалась в музыку. Когда я вырос и стал композитором, многие мои сочинения были украдены, скопированы или перекомпонованы плагиатором. Я потерял брата, жену и родителей. Сделался беглецом и преступником, странствовал по островам, открыл градуал. Каждое обстоятельство влияло на остальные, но музыка оставалась со мной всегда, исцеляя раны.

Отправившись в погоню за своим мучителем, я невольно совершил путешествие во времени.

Время – процесс постепенный, градуальный, словно старение. Оно протекает незаметно.

2

Я одарен музыкальным талантом, поэтому вопрос, как построить будущее, никогда всерьез передо мной не стоял, однако война, поглотившая мое детство, сделала более насущными другие проблемы.

Выживание оставалось, конечно, главной задачей, однако нам – мне, брату и родителям – приходилось есть и пить, спать и учиться, спускаться в убежище куда чаще, чем хотелось бы; приходилось заботиться о пострадавших от войны знакомых. Мои родители, карьеры которых были прерваны, когда начались бомбежки гражданских кварталов, нашли другие места, но из-за непредсказуемых воздушных налетов им приходилось часто прерывать работу. Ни матери, ни отцу не удавалось заработать достаточно, чтобы прокормить всю семью. Они постоянно приходили и уходили, и мне пришлось выработать способность думать самому и самому за собой присматривать.

С войной я не мог ничего поделать, но мир, в котором родился, принимаешь как должное, по крайней мере вначале. Я родился в музыкальной семье и был щедро одарен талантом. Подрастая, я, с моим уникальным даром, с естественной легкостью осваивал один инструмент за другим. К десяти годам я умел играть на гитаре и блок-флейте, в совершенстве владел скрипкой и фортепиано и уже написал свои первые композиции. Я редко хвастаюсь и сейчас просто упоминаю это как факт. Став взрослым, я заработал репутацию известного композитора в сфере современной классической музыки. Меня зовут Алесандро Саскен.

Пока воздушные налеты не усилились, мой отец был первой скрипкой Эррестской филармонии, ведущего оркестра в тех краях, где мы жили. Росла и его известность как виртуозного солиста. Когда бомбежки участились, оркестр распустили, и отец был вынужден подрабатывать учителем. Матери, некогда лучшей певице в гастролирующей оперной труппе, тоже пришлось брать учеников. Обоим это далось нелегко.

Был еще брат Джак, на четыре года старше меня, приближавшийся уже к призывному возрасту.

Джак тоже был скрипачом, и недурным, но остался любителем в музыке и стал изучать юриспруденцию. Его учеба прервалась с усилением военных действий. Я знал, что Джак – яростный противник любого насилия и что он надеялся, если удастся избежать призыва, получить степень в сфере международного законодательства.

Когда я подросток и стал понимать всю сложность стоявших перед ним проблем, то понял, что брат разрывался между музыкой, преданностью родителям, беспокойством насчет законности войны и, конечно, тревогой о предстоящем призыве, который разрушил бы все его планы. Большинство парней его

возраста, похоже, относились к военной службе с изрядной долей фатализма, откладывая все планы на будущее до конца солдатчины. Джак был не таков, и я в некотором роде тоже. Для музыканта музыка – это часть жизни. Она не оставляет выбора или альтернатив.

Музыка и бомбежки. Таковы были две главные составляющие моего детства со времени осознания себя и до конца школы. Враги – как нам всем было известно, населявшие соседнюю страну Файандленд – обстреливали нас ракетами и насылали беспилотные бомбардировщики. Хотя налеты никогда не были сплошными, бомбы случайным образом падали на фабрики, военные объекты, школы, дома и больницы. Если наша сторона в отместку и делала то же самое, я никогда об этом не слышал.

Война подразумевает секретность и неопределенные, но могучие патриотические чувства. Загадочным образом одно неразрывно переплетается с другим. Все известия о войне, несомненно, контролируемые и подвергавшиеся цензуре военной хунтой, располагавшейся в столице, Глонд-городе, всегда были положительными, победными, бравыми. Я, однако, также узнал, хоть и не от учителей, что моя родная страна, Республика Глонд, имеет бурную историю, прискорбно богатую на конфликты с прилежащими странами.

Что бы там ни было в действительности и кого бы ни считать агрессором, а ни одно гражданское лицо не могло чувствовать себя в безопасности. Через короткие, хоть и нерегулярные интервалы в нашу жизнь врываются звуки воздушной тревоги. Город Эррест, где я жил, был провинциальным промышленным центром, не главной мишенью для врага, но из-за огромных сталелитейных предприятий на окраине нам все же доставалось куда больше нежелательного убийственного внимания, чем многим другим. Эррест располагался на побережье, но порта не имел, лишь небольшую гавань, но и она, надо полагать, все же привлекала врагов. Столице приходилось еще хуже, однако она находилась от нас далеко на западе, и по Эрресту постоянно ходили домыслы, будто нападения на нас происходят из-за ошибок в расчетах. Несмотря на эти предположения, бомбежки продолжались на протяжении всей той фазы войны.

Собственно говоря, моя семья и я вместе с ней пережили войну относительно невредимыми, по сравнению с тысячами других людей. Наш дом, как и все прочие, получил повреждения, но преимущественно поверхностные. При одном налете мы потеряли часть крыши, а при других выбило несколько окон. Дом был

построен основательно, с глубоким погребом, куда мы сложили самое ценное имущество и прятались сами, когда звучала тревога. В целом нашему району мало досталось от бомб и снарядов, самые тяжелые разрушения пришлось на центр города. Одним из самых старых зданий, разрушенных в Эрресте, оказался Дворец Промышленности, величественный и прекрасный комплекс концертных залов и аудиторий. До начала бомбежек оркестр отца регулярно выступал в залах Дворца.

Как и все дети, я жил в двух мирах: внешнем, реальном, который иногда бывал мрачным, пугающим или гнетущим, но чаще всего оставался заурядным, и во внутреннем мире воображения и мечты. Там, в уютном убежище собственных мыслей, стимулируемых и оживляемых созданием музыки, я проводил ежедневно столько времени, сколько мог. Конечно, часть музыки, которую я слушал, была настоящей, слышимой – долгие часы учебы и занятий, звуки инструментов родителей и брата, воспроизведение имевшихся у нас граммофонных записей, – но преобладал поток музыки воображаемой, отчего-то струившийся из моего подсознания.

Я назвал внешний мир заурядным, и таков он для меня и был. Я не знал иного, и потому предполагал, что жизнь в Эрресте, да и вообще в Глонде именно такова, какой должна быть, какой все ее знают. То, что мне тогда представлялось обыденностью, являло собой не слишком большой город, выросший, как я теперь понимаю, из рыбацкой деревушки, но к моменту моего рождения расширившийся и развившийся достаточно, чтобы вместить несколько крупных фабрик, а главное – сталелитейный завод на противоположной окраине. Расширение началось лет сто назад, когда в холмистой местности неподалеку были обнаружены изрядные залежи железной руды. Эррест превратился в город мрачных и грязных фабрик, угрюмых кварталов жалкого жилья для рабочих, источник сливов множества отвратительных жидкостей в нашу единственную речушку и почти постоянной завесы насыщенного химикатами смога.

В то же время принадлежавшая государству тяжелая промышленность неизбежно привлекала в город богатство, и к моменту моего рождения Эррест уже прославился как центр искусств. Здесь была расположена одна из величайших картинных галерей Республики Глонд, с несколькими филиалами в других близлежащих городах. Имелись также Дворец Промышленности, вмещающий два театра, три разноразмерных концертных зала, несколько хорошо оборудованных практикумов, огромный стадион, библиотечный абонемент, студию звукозаписи, два ресторана. Эррест многие в нашей стране

считали городом показушным, таким монументом индустриализации и выгоде. Само собой, он стал одной из первых мишеней для фанландских беспилотников и самонаводящихся ракет.

В промежутках между налетами – а иногда без бомб проходили недели и даже месяцы, порождая ложные надежды – я занимался на скрипке и родительском рояле. В основном я оставался скрипачом, но все больше меня влекло к фортепиано, и однажды мне вдруг захотелось записать кое-что из мелодий и гармоний, слышавшихся мне в мыслях.

Я поступил в местный юношеский оркестр третьей или четвертой скрипкой (какой именно – зависело от того, кто будет присутствовать на конкретной репетиции или выступлении), а местный общественный клуб по традиции охотно принимал юных музыкантов в определенные дни недели. Мы с Джаком наведывались туда всякий раз как удавалось, открывая для себя народные песни и популярные танцы, хороводные мелодии, исполняемые на барабанах и концертино, быстрые, громкие и долгие. Нам так нравилась эта расслабляющая ерунда, что оба мы запустили занятия классической музыкой, но отец быстро положил этому конец, когда обнаружил, что происходит. В дальнейшем посещения клуба были строго дозированными.

Музыка оставалась для меня музыкой, как бы она ни называлась. Но я любил родителей и по природе не был мятежником.

Одним теплым летним днем, когда мне было всего лет семь, я совершил простое открытие, косвенным образом положившее начало событиям, изменившим в конце концов всю мою жизнь.

Из-за ограничений, накладываемых обстоятельствами военного времени, а также потому, что оставался еще маленьким ребенком, я был почти лишен любопытства ко внешнему миру. Большую часть времени я проводил дома. Когда выходил наружу, это случалось обычно в плохую погоду – холод, туман, хмурь, ветер. Погода стояла одна и та же по всему Глонду, кроме гор, где она была еще хуже. Дороги часто оказывались покрыты глубокими лужами из-за поврежденных стоков и опасными нерасчищенными завалами. Несколько раз мальчишкой я расшибал колени и щиколотки о куски металла или остатки каменной кладки, торчавшие из почвы. Люди в Эрресте ходили опустив головы, глядя, куда ступить, безразличные к окружающему миру.

Я не отличался от остальных. Торопился в школу и из школы, затемно обычно отправлялся играть в клуб. Мало что знал и почти не заботился обо всем, что лежало вне моего непосредственного окружения.

В день, о котором идет речь, я слонялся по верхнему этажу нашего дома, когда вдруг заметил, что лестницу, ведущую на крышу, не убрали. Родители часто пользовались чердаком, так что наличию ведущей туда лестницы удивляться не приходится, но обычно они задвигали ее вверх, так что ее и не видно. Сейчас их поблизости не было, а брат находился где-то внизу. Я не торопясь полез вверх.

Территория наверху не была запретной – скорее, «нерекомендованной», потому что родители редко что-либо запрещали. Они всегда старались убедить нас с Джаком, все объясняли. Такими уж людьми они были. Я знал, что крыша – место рискованное, потому что некоторые бомбы устроены так, чтобы разрываться в воздухе. Много домов было уничтожено сверху, и повреждения, нанесенные нашему дому ранее, тоже были от воздушных взрывов. Но в тот день сирены молчали, да и вообще как раз наступил один из периодов передышки.

Я знал, что отец хранит на чердаке несколько коробок с нотами, и мне хотелось посмотреть, что там. Чердак не был освещен, но большое окно в одном из скатов крыши пропускало внутрь солнечный свет. Воздух внутри был теплым, затхлым и сухим. Пачки нотной бумаги покрывала пыль; некоторые листы были исписаны нотами, но большинство чисты. В углу стояли старые футляры для инструментов и деревянный пюпитр.

Печатные листы с музыкой я обнаружил в большой коробке, но едва начав их просматривать, тут же понял, что эта музыка не из тех, что я любил. Там были вокальные партии, духовые, гитарные, мужские хоровые песни, женские романсы... Я-то надеялся найти что-нибудь такое, что мог бы выучить и исполнить, но ничто из увиденного меня не привлекло. Я был всего лишь мальчишкой и ничего не понимал. Возвращаясь мысленно в тот день, я не могу не задумываться, что же было в коробке – может быть, кое-что могло бы сейчас представлять ценность. Во всяком случае, тогда я потерял интерес и отвернулся.

Подойдя к окну, я увидел, что под ним стоит старый сундук, на который можно было влезть и выглянуть наружу.

Первый раз в жизни я увидел ясный, почти панорамный вид моря. Не просто серый берег недалеко от дома, где тусклые волны бессмысленно разбивались о грязную гальку. Тот я видел еженедельно, но такое море никогда меня не интересовало. Оно было каким-то маслянистым, от него исходило ощущение усталой угрозы, опасности скучающей и потерянной, словно от старой глубокой лужи, под поверхностью которой могли таиться коварные обломки механизмов. Я был привычен к бессмысленному шуму волн, кислому запаху, их давно отравленному состоянию. Мне случалось наблюдать ход приливов, а изредка, когда поднимался ветер, видеть разные настроения моря, но все это были привычные черты повседневной жизни, и они никогда меня не увлекали. Помногу моря я никогда не видел из-за сильного загрязнения воздуха.

Вид из чердачного окна был совершенно иным. Воздух в тот день, как видно, был необычно чист, потому что ветер дул с юга. Такое случалось, и в холодные месяцы года южный ветер, смешиваясь с нашим студеным воздухом, приносил дождь и снег, но в тот день я увидел лишь неподвижную сверкающую морскую гладь, ярко-золотую там, где на нее падало солнце, в остальных местах синюю или серую. Меня она ослепила. Я не знал, что она там есть, что она такая.

Не знал я до того момента и о том, что там, в лагуне, есть острова. Я увидел их три, высокие изломанные силуэты, казавшиеся темными из-за окружавшего их блеска. Зачарованный этим видом, совершенно забыв о том, для чего залез на чердак, я во все глаза уставился на острова. Расстояние не позволяло рассмотреть детали, но я был уверен, что там живут люди. Наверняка там есть дома и города, но из-за чистого моря вокруг эти дома и города не будут похожими на мои, не могут быть похожими.

Прислонившись к грязному стеклу, я смотрел и дивился, пытаюсь представить себе, каково жить на клочке суши, окруженном морем, где нет бомбежек, сталелитеен и скопища фабрик. У меня были лишь самые смутные представления о том, какова жизнь на острове. Раньше я никогда не задумывался о том, что острова могут быть настоящими, что они там, в море, и видны из дома, где я живу.

Отец поднялся по ступеням на верхнюю площадку и заметил, что лестница на чердак опущена. Забравшись наверх, он нашел меня.

– Если прилетит беспилотник, ты можешь попасть в беду, – заметил он мягко, останавливаясь рядом со мной у окна. – Ты же видел, как повреждает крыши,

даже если взрыв остается в стороне. Нам всем нужно выжить. Ты должен пережить войну, Сандро.

Чердак всегда оставался уязвимым местом. Внизу стены дома были насколько возможно укреплены, окна заклеены противоосколочной пленкой. От прямого попадания дом не защитишь, но меры предосторожности от заряда, разорвавшегося в одном-двух кварталах, принять можно.

– Я смотрел на острова, – сказал я. – Мы можем туда сплавать?

– Сейчас нет, пока идет война.

– Там кто-то живет? – спросил я, тыча в остров пальцем. Отец не ответил. – Кто они? Там тоже играют музыку?

– Пойдем вниз, Сандро.

На том и закончилось это невеликое приключение. Я бросил быстрый взгляд на вид, которого не знал прежде: сияющее море, горбы безымянных островов, намекавших на загадочные возможности. Я ничего о них не знал, но одного вида было достаточно, чтобы дать пищу воображению. Вокруг меня слышался звук прибоя, бушевал бешеный океан, гнулись деревья на берегу и высоко в горах, звучали на городских улочках иноземные голоса.

Во мне роились неясные образы берегов, рифов, гаваней, лагун, корабельных гудков, бешеных шквалов, чайчьих криков; я ощущал тягу отлива, уносящего гальку.

Я сочинил небольшую пьесу для фортепиано, пытаюсь передать живой музыкой трудноуловимые и неясные звуки, царившие в голове. Вышло не так хорошо, как мне хотелось, но до сего дня я думаю о той пьесе, как о первом моем полноценном сочинении. Я не играл ее уже много лет.

К тому времени, как мне исполнилось четырнадцать, все мои планы сделаться профессиональным музыкантом пришлось отложить. Война продолжалась, и завершения ее не предвиделось. Со стратегической точки зрения положение было патовым. Удалось организовать прекращение огня, положившее конец бомбежкам городов, но жизнь не вошла в прежнюю колею. Поначалу затишье считалось временным, но это было лучше, чем ничего, и с течением месяцев оно не прекращалось. Временное начинало постепенно казаться постоянным. Политические и экономические разногласия сохранились – мы все время слышали о нарушении границ, о стычках из-за рудных залежей, из-за доступа к водным ресурсам. Постоянно шли нескончаемые споры о репарациях, и конечно, оставалось лежащее в основе всего столкновение политических идеологий.

Главным следствием всего этого оказалось подписание договора, но не мирного. Войну как таковую, боевые действия, перенесли в дальние края. Великий холодный континент, раскинувшийся на южном полюсе мира и именуемый Зюйдмайером, не был обитаемым, считался ни для чего не пригодным и вполне подходил для ведения нескончаемой войны. Молодых людей забирали в армию все в бо`льших количествах, отправляли кораблями на юг и заставляли сражаться за их господ.

Поэтому никто и не думал, будто из-за того, что нашим домам больше не грозит опасность, война наконец окончилась и наступил мир. Все понимали, что на возвращение к мирной жизни уйдут годы; быть может, десятилетия. Однако структуру гражданской жизни, по крайней мере, можно было подлатать. Столько городов оставалось разрушено, домов потеряно, уничтожено фабрик и инфраструктуры. Начались работы по восстановлению всего этого. Обыватели пытались вернуться к прежней жизни.

Однажды пришло письмо, которого Джек боялся больше всего. Призыв молодых людей и девушек в армию удвоился. За завтраком брат швырнул письмо на стол, чтобы мы могли его прочитать. Там указывалась дата, когда он должен явиться на медицинское освидетельствование. Если здоровье окажется удовлетворительным, его тут же призовут и отправят на юг, сражаться за честь нашей страны. Он уже получил предварительное назначение в некое действующее подразделение, именуемое 289-й батальон.

Мы с Джаком часто играли дуэтом. Иногда я аккомпанировал ему на рояле, но чаще всего мы просто стояли бок о бок и негромко играли на скрипках. Однажды, когда мы доиграли, Джек сказал:

- Сандро, нужно поговорить.

Он привел меня к себе в комнату, находившуюся на верхнем этаже, и плотно закрыл дверь. На кровати спала его любимица Джаанн, лесная кошка, пушистая и почти белая. Брат сел рядом, легонько погладил кошку по шее, потом пощекотал под подбородком, а она подняла голову, помаргивая большими зелеными глазами.

- Мне придется идти в армию, - сказал Джак. - Выхода нет.

- Когда ты идешь?

- На следующей неделе.

- Так скоро?

- Ты же видел повестку, - объяснил брат. - Это уже третья. Остальные я прятал, как только придут. Потом рвал.

Он рассказал мне кое-что о своих попытках избежать призыва. Антивоенная группа, к которой он принадлежал, разработала разные способы уклонения или, по крайней мере, отсрочки. В основном группа состояла из таких же, как и он, юношей, опасющихся призыва. Джак испробовал все их идеи: просил справку у врача, подавал заявление, что находится на учебе, получил письмо от наставника. Армейское начальство оставалось непоколебимо. Джак сказал, что последний, отчаянный способ, к которому прибегали многие из его знакомых призывников, - скрыться.

- Всех поймали, - сообщил он. - Эти люди умеют искать. Нечего и пытаться от них спастись.

- Но папа сказал...

- Знаю. Но я в конце концов понял, что, пытаюсь спрятаться, делаешь только хуже. Это путь труса.

Я знал, что отец договорился с близким другом еще по университету, что тот спрячет Джака. Друг с женой жили на ферме, в отдаленной деревне где-то высоко в Глондских горах. Отец утверждал, что в горах редко видят отряды, рассылаемые военными властями на поиски уклонявшихся от призыва. Там Джак был бы в безопасности.

- Быть против войны - не значит быть трусом, - сказал я.

- Тогда подумай, сколько мне придется скрываться от рекрутировщиков? Несколько дней? Месяцев? Провести весь остаток жизни на ферме в горах?

Брат сказал, что принял решение. Он считал, что по международным законам война нелегитимна - она ведется жестокими методами, истребила множество гражданских лиц, лишена общественной ценности и морального оправдания. Боевым действиям необходимо как можно скорее положить конец, а тем временем он согласен быть призванным. Молодой рекрут мало что может сделать в одиночку, но, по крайней мере, он узнает систему изнутри, соберет доказательства и однажды, вернувшись к гражданской жизни и завершив юридическое образование, сможет перейти к действию.

Мы оба были мальчишками: мне четырнадцать, Джаку - едва исполнилось восемнадцать. Призыв не был для меня просто туманной угрозой; я знал, что еще через четыре года настанет и моя очередь. План Джака показался мне, по крайней мере на короткое время, смелым и осуществимым.

Джак поднял Джаанн с кровати. Лапы ее вяло свисали; кошка оставалась полусонной. Брат уложил ее у себя на коленях, она замурлыкала. Он погладил ее по спинке, поиграл лапами, пощекотал подушечки за когтями, как она любила.

- Она для меня важнее всего, Сандро, - сказал брат. - Позаботишься за меня о Джаанн, пока я не вернусь?

Мы оба умолкли, глядя на кошку. Та перекатилась на спину, вытянув вверх лапы.

Через неделю я вместе с Джаком отправился в центр Эрреста, на призывной пункт, куда ему следовало явиться. Родители, оба в слезах, но согласившиеся с его решением, остались дома. Как предписывали инструкции, Джак не взял с собой багажа, но ему был разрешен один «предмет роскоши». В повестке

упоминались: книга, фотография, дневник. Джак решил взять свою скрипку, и она висела у него на спине.

Мы подошли к белой пластиковой ленте, которой был огорожен вход в здание. Здесь мы распрощались, слишком молодые, чтобы выказать обуревавшие нас чувства, но уже достаточно взрослые, чтобы их испытывать. Мы по-братски обменялись парой тычков, потом Джак повернулся и направился к зданию. На середине пути его перехватил солдат в форме и вместо здания направил в припаркованный сбоку серый автобус. Автобус был с окнами, но их закрасили серебряной краской, чтобы нельзя было заглянуть внутрь. Я немного подождал, глядя, как других призывников загоняют в тот же транспорт, но все это показалось мне слишком угнетающим. Я направился домой.

Через несколько минут автобус проехал мимо меня по улице. За ним тянулось облако жирного черного дыма.

Спустя несколько дней родители получили официальное письмо от Канцелярии стратегического штаба в Глонде – всем было известно, что так называется штаб-квартира военной хунты. Письмо было подписано Джаком, будто это он его написал, но две офицерских подписи, расположенные напротив, выдавали истинный источник. Содержание письма уведомляло, что батальон брата направлен в крупную действующую дивизию. По причине военного положения он не сможет поддерживать с нами контакт до возвращения в страну.

В конце послания приводился отрывок из документа, названного Военным кодексом, который накладывал обязательства сохранения секретности на всех ближайших родственников военнослужащих, но еще там утверждалось, что семья немедленно будет извещена, когда 289-й батальон выведут из военных действий.

Призыв Джака в армию стал для моих родителей ужасным событием, поскольку было известно, что условия на южном континенте суровые и опасные. Уже ходило много историй о молодых людях, которым не удалось вернуться. Единственное, что утешало родителей, это обыкновение властей проводить демобилизацию по порядку номеров, так что можно было вычислить, когда Джак вернется домой. По слухам, примерно в то время с театра боевых действий отозвали 236-й батальон, и мы знали, что ожидание будет долгим.

Мы остались втроем. Родителям по-прежнему приходилось подрабатывать частными уроками музыки, но по мере того, как состояние полумира-полувойны укреплялось, они стали надеяться, что им удастся найти более стабильные места. Поговаривали про возможность восстановления Дворца Промышленности, хотя это, конечно, должно было занять несколько лет. Отец говорил, что уже предпринимаются действия по возрождению Филармонического оркестра.

Я был погружен в собственные тревоги, зная, что мой призыв – всего лишь вопрос времени, хотя еще оставалось четыре года, прежде чем эта проблема станет насущной. Мне отчаянно не хотелось идти вслед за Джаком в армию. Полный курс обучения в консерватории Глонд-города мог оттянуть призыв на два года, но даже эта отсрочка мне была недоступна – главное здание консерватории оказалось повреждено воздушными налетами и количество учебных мест сократилось.

Окончив школу в шестнадцать лет, я был вынужден искать работу, и в результате удачного стечения обстоятельств мне удалось получить невысокую должность ученика клерка в эррестской компании, производившей электронику. У компании имелся контракт на поставку систем наведения ракет, так что хоть я и был среди персонала мелкой сошкой без технического образования, роль фирмы в производстве оружия делала ее для меня безопасной гаванью.

Работа, которую мне приходилось выполнять, была административной и скучной, но она приносила достаточный доход, позволяя в свободное время продолжать развиваться как композитору. Пока фирма продолжала снабжать хунту вооружением, я был избавлен от армии.

Получив постоянный доход, я смог наконец покинуть дом и снял квартиру с тремя немаленькими комнатами в высоком доме недалеко от моря. Этот район сильно бомбили, так что арендная плата была невысока. Музыка вновь стала для меня предметом одержимости и преданности; бо`льшую часть того, что оставалось от заработка, я тратил на грампластинки и издания партитур. То был период, когда долгоиграющие виниловые пластинки стало возможно приобрести по доступным ценам. Постепенно я собрал коллекцию работ, нравившихся мне больше всего. Я слушал, играл, писал. Музыка гремела у меня

в голове.

Перемирие продолжалось. Многие опасались, что без заключения официального мира атаки могут возобновиться, но жизнь все равно возвращалась постепенно к той, какой она была до бомбежек. Я организовал работу так, чтобы иметь как можно больше свободного времени, и посещал почти каждый концерт, какой удавалось найти, иногда проезжая для этого значительное расстояние.

Однажды летом я взял недельный отпуск и остановился в маленьком отеле в Глонд-городе, до которого от Эрреста было около часа поездом вдоль берега. К тому времени наиболее разрушенные здания в центре столицы уже отстроили, так что снова стали давать концерты для публики. Живая музыка выходила наконец-то из-за завесы сирен и из убежищ, в которых нас всех вынудили скрываться. То было захватывающее время. За эту неделю я потратил почти все свои сбережения, зато потом всегда видел в ней важный этап своего развития. Она подтвердила то, о чем я читал в музыкальных журналах и слышал от других музыкантов, а именно, что хотя традиционный репертуар так же популярен, как всегда, в то же время композиторы вновь начинают сочинять и исполнять современную музыку.

Музыку, которую писал я, вскоре начали замечать, хоть и понемногу. Через отца и знакомых я организовал в наших краях исполнение некоторых своих опусов. Одним таким опусом был цикл песен на стихи глондского поэта Гоэрга Скинна, другим – сюита для фортепиано и флейты. Самой сложной моей работой в то время стала фортепианная соната, а когда мне исполнилось двадцать семь, я сработал к концерту в эррестском городском управлении импрессионистическую вещь для фортепиано и скрипки, посвященную Дню Памяти и названную «Дыхание».

«Дыхание» было композицией, вдохновленной видами вересковых пустошей на холмах, которые я различал вдаль из окна квартиры. Несколько раз я совершал одинокие поездки на пустоши, купаясь там в ощущениях и звуках. В первый раз я туда отправился, чтобы вдохнуть незагрязненного воздуха, а, по моим предположениям, пустоши должны были располагаться выше, чем слой смога, обычно окутывающий город. Но стоило мне там оказаться, как я оценил и общую утонченность этого места. Многое в ландшафте источало тишину; паузы в моей музыке воспроизводили беззвучие, наступавшее, когда, вспугнутые, уносились прочь птица или животное, пока я прыгал по кочкам или шел по тропе. Фон составлял намек на шум ветра, треплющего сухую траву. В безветренные же дни

царила тишь, какой я не знал прежде. Шум скачущих по крутым откосам ручьев проникал в мои мелодии.

На том концерте я сам сидел за роялем, а партию скрипки исполняла молодая женщина по имени Алинна Россон. С Алинной я познакомился на одном из концертов в Глонд-городе, и мы подружились.

Ни мне, ни ей не приходилось еще играть перед аудиторией, хотя бы столь небольшой, как тем вечером, и для нас обоих это был опыт, вызвавший бурю эмоций. После концерта, в пустой комнате за сценой, где Алинна оставляла футляр от скрипки, мы оба плакали. Я лил слезы отчасти потому, что освободился от беспокойства, завершив выступление без явных ошибок, но при этом еще и переживал заново чувства, которые испытывал, когда задумывал и сочинял работу. Решив, будто Алинна испытывает то же облегчение, я положил руки ей на плечи, желая утешить, но она их стряхнула.

– Мне казалось, будто я там одна, – сказала она, и голос ее был тихим, но не от слез. Только тогда я понял, что она на меня сердита. – Я не слышала, как ты играешь, – тут ее голос сломался.

– В партитуре много пауз. Я играл вместе с тобой, но мне тоже казалось, что я один.

– Когда мы репетировали...

– Репетиция – это не то же самое, – настаивал я. – Ты замечательно играла сегодня. Я был очень растроган твоей игрой.

– Я просто следовала партитуре.

– Так и должно быть. Партитура – это форма музыки. Ты все еще дрожишь.

Я еще раз попытался ее утешить, взявшись рукой за локоть, но она вновь отстранилась. Мимо ходили люди, дверь пару раз открывалась и закрывалась. В коридоре погас свет. Служители собирались закрывать здание.

– Ты расстроена, – ляпнул я, не зная, как поправить ситуацию для нас обоих.

- Все эти паузы, - выговорила она. - Я их не слышу как следует, и пыталась считать такты. В ужасе была, что пропущу.

- Ноты пишутся, чтобы обрамлять паузы. Они определяют и окаймляют пустые места. Музыка чиста только в тишине.

Алинна уставилась на меня, непонимающе хмурясь. Мне не хотелось сейчас ничего говорить и слышать.

- Я видела паузы в партитуре. Но не знала, что ты подчеркнешь их красными чернилами.

- Партитура должна показывать как паузы, так и ноты. В следующем месяце я даю еще один концерт, - предложил я. - Хочешь играть со мной?

- После того, что сейчас было?

- Прошу тебя, Алинна.

Для меня случившееся было трансцендентным переживанием, а чистота нот и выразительность ее скрипки вызывали внутреннюю дрожь. При ее чувственной игре мне хотелось махать руками от возбуждения. Ее отрицательная реакция поставила меня в полный тупик.

- Не думаю, - заявила девушка, пряча скрипку.

Вскоре Алинна ушла не попрощавшись. Я был в полном раздрае. Постоянная потребность сочинять музыку и играть означала, что раньше у меня никогда не было нормальных отношений с противоположным полом. События того вечера болезненно напомнили о моей неопытности. Поведение Алинны заставило меня думать, что я подвел ее, напугал, а запутавшись, я и в самом деле испортил то, что казалось таким чувственным и интимным, когда мы играли вместе. За те несколько минут, что мы играли «Дыхание», она стала казаться мне прекрасной. Мне предстояло многому научиться.

На улице, когда я покинул здание, в темноте и холоде ждали несколько слушателей, чтобы поприветствовать и поздравить меня. Ничего подобного

никогда со мной прежде не случилось, и я оказался совершенно не готов. Постарался полюбезнее ответить на комплименты, но при первой возможности удрал во двор мэрии, где отыскал свой велосипед и помчал домой сквозь студёный туман.

Путь лежал частично вдоль берега, по узкой дороге над обрывом. Как всегда, я смотрел на юг, через море, на острова, зачаровавшие меня на столь краткий миг в детстве. В мутной тьме я их не различал – ни намёка на огни, даже ни смутного ощущения маячащих масс. Однако я видел их так часто, что прекрасно помнил их темные очертания, молчаливую тайну. Я мурлыкал обрывок мелодии и представлял, будто иду по холмам одного из островов.

5

Когда мне исполнилось тридцать, я совершил, наконец, прорыв, на который надеялся. Ко мне обратилась независимая фирма звукозаписи, расположенная в маленьком городке далеко от Эрреста, по другую сторону от столицы. Она специализировалась на записях молодых или начинающих музыкантов, работая с маленькими оркестрами. Пластинки были хорошо оформлены, стоили умеренно, и, хоть фирма была небольшая, в магазинах всегда присутствовала на удивление значительная часть ее ассортимента. Фирма решила выпустить долгоиграющую пластинку, которая представляла бы современную глондскую музыку.

Стоило мне прослышать об этом, как я послал им несколько недавних работ. Поначалу партитуры возвращали, часто без комментариев, но по крайней мере две были прямо названы неподходящими. Причины не пояснялись. Я продолжал попытки, и в конце концов фирма приняла небольшую пьесу, написанную год назад. Называлась она «Дианме».

«Дианме» представлял собой одночастный квартет для фортепиано, флейты, скрипки и виолончели. Вдохновением для него послужил одноименный остров, один из тех островов, что лежали в бухте напротив Эрреста.

Воспользовавшись названием «Дианме», я лишь показывал, что знаю об острове, но некоторые замечали, в том числе и в печати, что это еще и политический акт.

Политически я был наивен, так что, лишь предприняв попытки выяснить название острова, я случайно обнаружил, что глондское правительство старается контролировать информацию, доступную общественности.

Название острова мне удалось установить лишь после изрядных поисков, обращений к старинным справочникам, атласам, лоциям и так далее. Я-то предполагал, что такие поиски – рутинное дело. В действительности же обнаружилось, что все острова в регионе окутаны туманом неизвестности. В библиотеке мне доверительно сообщили, что несколько лет назад хунта выпустила директиву, сводящуюся к тому, что все справочники и карты островов следует сдать правительству. Помимо встречавшихся там названий, секретность распространялась на фотографии и рисунки, описания, даже на статьи в энциклопедиях со статистическими данными о населении, сельском хозяйстве, торговле и обо всем прочем. Острова словно были объявлены вовсе несуществующими.

На большинстве современных карт, конечно, изображалась линия нашего побережья, но никаких деталей, касавшихся моря, не было. На некоторых картах океан обозначался как «Срединное море», а буквами намного мельче прибавлялось: «Архипелаг Грез», – иногда это название было заключено в скобки. Где-то мне приходилось слышать это название, – может быть, в школе? – но я совершенно не знал, где находится или что собой представляет Архипелаг. Ни один остров никогда не рисовали на картах.

Как-то в букинистической лавке я наткнулся на пыльную старую книгу о глондском побережье. В примечании, посвященном приливам, деловито перечислялись по названиям три острова. Меньший из трех именовался Дианме, в честь мифической доброй богини, якобы присылающей с юго-востока теплый ветер, приносящий обычно к нашему берегу раннюю весну.

Очарованный этим открытием, я и написал свой квартет, счастливый, что наконец-то нашел название.

Два других острова, побольше и более отдаленные от берега, именовались Члам и Геррин, тоже в честь персонажей из мифологии. Я запомнил названия, чтобы воспользоваться ими в будущем.

Детально рассмотреть облик островов по-прежнему не удавалось, даже с помощью полевого бинокля для наблюдений за птицами, принадлежавшего когда-то отцу. Бинокль был слишком слаб, чтобы толком что-то приблизить, но когда я в него смотрел, мне казалось, будто пространство в поле зрения сжимается, а время укорачивается.

Обычные звуки родного города, когда я их слышал, стоя у прибрежной дороги и глядя на море в бинокль, мое сознание превращало в ритмический контрапункт спокойной неподвижности островов, словно бы замкнутых в своем отдалении и остановившихся во времени. Флейта и скрипка воспроизводили домашние звуки птичьих песен и детских голосов, тогда как виолончель и фортепиано обозначали даль, гул волн, дыхание теплого юго-восточного ветра. Дианме, ближайший и при том самый маленький из трех островов, особенно возбуждал мои нежные и безвредные фантазии.

Факты, касавшиеся Архипелага Грез, были отрывочными и доставались с трудом, но постепенно я начал складывать воедино, что мог. Я, например, выяснил, что как гражданину Республики Глонд мне навечно запрещено посещение любого из этих островов. Собственно, весь Архипелаг, который, как я узнал, кольцом окружал весь мир, был довольно закрытой и полной запретов областью. Официально его не существовало. Однако на самом деле острова оставались нейтральной территорией в той войне, которую вел Глонд, и их нейтралитет яростно защищали местные законы и обычаи. Глонд для них оставался воинственной страной, как, по моим предположениям, и Файандленд. Настоящее продолжительное перемирие с Файандлендом и его странами-сателлитами ничуть не приблизилось, и лишь сложная сеть дипломатических компромиссов не давала военным действиям затронуть наши дома. Очевидно, что это совсем не то, что настоящий мир. Архипелаг Грез был величайшим географическим объектом мира, он состоял буквально из миллионов островов, но для разжигателей войны он был закрыт.

Открытие этих островов было сродни услышанной в первый раз симфонии. Осознание, что мне никогда не будет позволено их исследовать, – словно дверь, захлопнутая прямо перед лицом, стоило оркестру начать настраивать инструменты.

Мой квартет «Дианме» отражал как размышления над спокойствием созерцаемого с берега морского пейзажа, так и чувство поражения, возникавшее у меня из-за того, что существование островов не признавалось.

Обыденность местных звуков, которые подхватывала и выражала скрипка-пиццикато, вторгалась назойливым диссонансом. Главная тема, рисующая сам остров Дианме, заявленная в нескольких вступительных фразах и повторявшаяся в конце, представляла собой покойную мелодию и должна была означать красоту благотворной природы.

Я был, конечно, приятно удивлен, услышав, что менеджер фирмы принял мою композицию. Надеюсь поучаствовать в записи, я взял двухдневный отгул и отправился в Глонд-город, но, когда прибыл в студию, оказалось, что мне разрешат лишь сидеть в кабинке со звукозаписывающей аппаратурой, пока исполняется моя пьеса. Все же это оказалось глубоким, будоражащим переживанием.

Когда через несколько недель пластинка вышла, мне удалось уговорить местный музыкальный магазин заказать три штуки, хотя в результате мне же самому и пришлось их купить. Два месяца пластинка не получала никакого отклика музыкальных критиков, но в конце концов в еженедельнике политических новостей и сатиры появилась короткая рецензия. Автор пренебрежительно отзывался обо всех сочинениях в подборке, но мимоходом упоминал «Дианме», отмечая его как «мелодически приятную композицию». Имя мое было в журнале перевернуто: «Алесандер Заскинд». Я же просто радовался, что теперь у меня есть запись.

6

Вскоре после выхода «Дианме» я познакомился с коллегой-композитором с одного из южных островов, по имени Денн Митри. Нам суждено было подружиться, хотя первая встреча оказалась отягощена недоразумением.

Наше знакомство случилось вскоре после того, как я завершил музыкальное сочинение, следовавшее за «Дианме». Я назвал его «Символы прилива» и посвятил интерпретации того, что считал моментами затишья и бури вдоль наших берегов. Партитуру я отправил той же самой компании, которая выпустила «Дианме», и был счастлив, когда меньше чем за неделю они ответили, с энтузиазмом отзываясь о современности подхода, гармонических инновациях и необычном использовании внезапных перепадов в мелодии. Их

реакция меня обрадовала. Хотя их описание моей музыки не совсем совпадало с тем, что я сказал бы о ней сам, ответил я на письмо с готовностью и сразу же получил контракт на новую работу. В тот же день я подписал его и отослал.

Последовало долгое ожидание – позже я узнал, что причиной оказалась недостаточная длина «Символов прилива». Их хватало лишь на одну сторону десятиминутной пластинки, и фирма ждала, пока у нее появится подходящее сочинение подобного же типа для другой стороны. Наконец мне написали, что приняли работу композитора по фамилии Митри. Я никогда о нем не слышал (или, возможно, о ней), и никто из моих знакомых тоже.

Когда я попросил у звукозаписывающей компании дополнительную информацию, мне сообщили, что Денн Митри – мужчина, родом с Мьюриси, что в Архипелаге Грез, прибыл недавно в Глонд по программе культурного обмена. Я промолчал о том, что мне удалось узнать про запрет на упоминание островов.

Наконец наступил день записи. На этот раз я сел на первый же поезд в Глонд, поэтому прибыл рано и оказался в студии раньше большинства участников. С изумлением я увидел, что для исполнения собралось больше тридцати человек. Некоторых я знал в лицо, но большинство было незнакомцами. Однако среди них я сразу заметил Алинну Россон, занимавшую место в скрипичной группе. Я не виделся с ней и не разговаривал с того вечера, когда мы вместе исполняли «Дыхание».

К моему удивлению, заметив меня, Алинна приветственно помахала рукой и тут же подошла.

– Сандро! Я надеялась, что ты сегодня придешь.

– Рад тебя снова видеть, – ответил я, сознавая в то же время, что на самом деле потерял всякую надежду остаться с ней друзьями. С того памятного вечера прошел год.

– Над чем работаешь? – поинтересовалась она. – Слышала, у тебя вышла запись.

– Теперь будет новая, называется «Символы прилива», – пояснил я. – Одна из вещей, записывать которые тебя, надо думать, и пригласили.

- Нет, я участвую только в первой. Которую Денн написал.

- Денн?

Мы стояли посреди сцены. Алинна указала на стоящего в стороне высокого молодого человека, который уже находился в студии к моему приходу. Он уверенно разговаривал с кем-то из инженеров звукозаписи, обсуждая партитуру и делая пометки на одной из страниц. Я заметил его, как только вошел, но поскромничал подойти, решив, что это работник студии. Во всяком случае, от него исходила свобода и уверенность в себе, каких мне очень недоставало и перед которыми я всегда робел. У него было тело атлета и копна длинных светлых волос. В его небрежных манерах чувствовалось удовольствие от работы на студии.

- Это Денн Митри, - сообщила Алинна. - Удивительный музыкант. Ты, наверное, знаешь его работы?

- Это он - композитор с Мьюриси?

- Да.

- И, говоришь, вы уже знакомы?

- Он мой друг, мы случайно встретились пару недель назад. Это он порекомендовал меня на сегодняшнюю работу.

- Я не знал, что люди могут приезжать работать на континент. Мьюриси - это ведь один из островов, верно? Я думал, границы закрыты.

- Правила недавно упростили. А Мьюриси вроде бы расположен где-то к югу от Глонда, так что людям удобно приезжать оттуда и возвращаться. Он по какому-то культурному обмену. Поговаривают даже о гастролях оркестров - у нас и на островах. Ты об этом что-нибудь слышал?

- Нет, не слышал, - ответил я, начиная понимать, что мое вечное погружение в работу отдалило меня от других людей, даже от коллег, и от ходящих меж ними разговоров. - Какая разница - на север ехать или на юг?

- Денн говорит, так легче получить визу.

Я, недоумевая, покачал головой.

- А ты как? - спросил я Алинну. - Живешь сейчас здесь, в Глонде?

- Нет, все еще в Эрресте. Ты тоже?

- Да, по-прежнему. Я правда рад снова видеть тебя, Алинна.

- Почему ты решил, что я переехала?

Я опять ощутил недостаток опыта в общении с женщинами и, в частности, с Алинной, которая, к моему изумлению, кажется, искренне была рада меня видеть. Мне пришлось бороться с собственническими чувствами, когда я узнал, что она уже на короткой ноге с этим другим композитором и называет его по имени. Что происходит между ними?

Когда Алинна вернулась на свое место в оркестре, я заметил, что Митри подошел к ней что-то сказать, а она рассмеялась. Митри широко улыбался, и во время разговора на миг коснулся ее руки.

Присутствие в студии Алинны отвлекло меня от других забот, пока я смотрел, как она сначала репетирует с Митри и другими музыкантами, а потом играет. Его сочинение называлось «Лесная любовь». Один из инженеров записи мне сказал, что оно вызывает в воображении жизнь на Мьюриси, потому что использует вариации некоторых народных мелодий. Обычно такие вещи меня всегда интересуют и увлекают, но в тот день было трудно на них сосредоточиться. Мелодия казалась гладкой и обыкновенной. Весь интерес поглощала маленькая темноволосая женщина, сидевшая во втором ряду скрипок. Я смотрел на ее сосредоточенное лицо, на чуткие движения головы во время игры. Она сидела элегантно, в красивой позе, выпрямив спину и плечи, а инструментом управляла выразительно и подвижно.

Запись завершили в четыре подхода, но мьюрисийская рапсодия почти не произвела на меня впечатления. Звук ее был слащавым и знакомым, эта музыка дарит комфорт, но не стимулировала. Мне казалось, что моя работа сделана на

совсем другом интеллектуальном уровне, и неправильно, что мы с Митри издаемся вместе. Тот факт, что моя и его работы должны занять разные стороны одного и того же диска, намекал на некую связь, сходство целей, тогда как ничего подобного не было.

Я надеялся еще поговорить с Алинной, но как только менеджер записи объявил об окончании сессии, она тут же встала и смешалась с прочими музыкантами. Уложив инструмент, она ушла вместе со всеми. Оставшиеся заняли места для исполнения «Символов прилива». Второй композитор подошел ко мне.

– Сэр, полагаю, вы – Алесандер Заскинд. Верно ли это?

– Да, – сказал я, слишком пораженный, чтобы поправить ошибку в имени, уже, как я знал, распространившуюся.

– Я Денн Митри, прибывший из Мьюриси. Горд познакомиться с вами, сэр.

Мы с молодым человеком пожали друг другу руки. Мне сразу понравились его крепкая рука, открытый взгляд, исходившая от него искренность. Говорил он без акцента, но в голосе была напевность, своего рода музыкальные флексии, которые никогда не услышишь в Глонде. Раньше я не имел представления, как может звучать речь островитян, и сейчас мельком подумалось: не вот так ли?

– Это большая честь, монсеньор Заскинд, – продолжал Митри. – Когда мне сказали, что мы будем записаны вместе, я едва мог поверить в свою удачу.

– Что ж, спасибо, – ответил я, смущенный и довольный, чувствуя, как растворяются мои предрассудки против этого человека.

– Не могли бы мы после этого кратко встретиться, чтобы выпить? Есть столь многое, что я хотел бы обсудить с вами.

– Ну, мне нужно успеть на поезд домой...

– Посмотрим, сможем ли мы найти время, – не отступал Митри. – Я бы хотел обсудить ваш квартет «Дианме». Первый раз я как следует послушал эту запись как раз перед тем, как должен был уехать.

- Не знал даже, что она продавалась...

- Мне прислал экземпляр издатель, но она уже популярна на многих островах. Можно услышать по музыкальным радиоканалам.

- На Архипелаге?

- Конечно! Вы сделали хорошо известны, по крайней мере на Мьюриси, но также и на многих других островах. Мой издатель сказал, что мне следует с вами поговорить ради новых территорий, которые вы, по-видимому, открываете. Хотелось бы знать, что послужило источником вдохновения. Я чувствовал ваше волнение в каждой фразе.

Мы стояли у задней стены студии, частично скрытые от основной ее части двумя диффузорами, но я видел, что музыканты уже настраивают инструменты, а инженеры – уровни звука. Энтузиазм, который излучал Митри, казался совершенно искренним.

- Название острова, – сказал я, вспоминая свои поиски лоции или карты. – Когда я узнал, почему остров назван Дианме, то услышал, как музыка обретает форму. Она просто... полилась. Я представлял, какими могут быть ветры на этом острове. Ветры Дианме.

- Это столь многое объясняет. Но когда я слушал ту музыку, то задумался, не имели ли вы в виду какой-нибудь другой остров. Может быть, Члам?

- Нет, Дианме.

- Это превосходное произведение. Я должен у вас столь многому научиться. – Митри вновь стиснул мою руку и энергично потряс. – Сейчас начнут. Поговорим позже?

- Приятно было познакомиться, – сказал я от чистого сердца.

Митри приветливо улыбнулся мне, повернулся и ушел. Я направился на свое место в задней части контрольной кабинки.

С исполнением «Символов прилива» возникли проблемы, и оркестрантам пришлось сделать несколько попыток, прежде чем они смогли сыграть как надо. Руководитель оркестра ворчал, что им не дали достаточно времени порепетировать; последовал на удивление сердитый обмен обвинениями между ним и менеджером записи. Я смущался и не лез в склоку, полный ужаса, что мог по неопытности запороть оркестровку. За два-три дня до того я закончил перепроверять партитуру, а всего отослал по крайней мере четыре различных версии, в одной из которых были восстановлены исключенные ранее фрагменты первого наброска, но через несколько дней я и этот вариант изменил. В конце концов студии удалось записать удачный дубль, но времени уже было далеко за полдень. Все, включая меня, выглядели и чувствовали себя измотанными. Денна Митри не было и следа.

Через три дня по возвращении в Эррест, когда весьма смешанные воспоминания о прошедшей звукозаписи начали угасать, я все еще думал об Алинне. Получить от нее отказ было бы ужасно, но я укрепился духом и позвонил. Она подошла к телефону, сказала, что рада меня слышать, и утешила, когда я рассказал, как неладно прошла запись. Мы проговорили почти час, а на следующий день договорились встретиться. Я был счастлив и полон уверенности в себе. Мы гуляли по пустому морскому берегу и становились ближе с каждой минутой. На следующий день вновь встретились, а на третий еще раз. Через четыре месяца мы поженились. Наш общий друг Денн Митри получил приглашение на свадьбу, но лишь прислал письмо, сообщавшее, что из-за дорожных затруднений он не сможет присутствовать.

Мы с Алинной поселились вместе в большой квартире, которую сняли в городке чуть дальше по побережью от Эрреста. Это было удобно для моей скучной, но необходимой работы, и оттуда можно было доехать поездом прямиком до Глонда. Из квартиры открывался вид на море. Я устроил себе студию в комнате с высоким окном, выходившим на побережье, окаймленное полосой травяных кочек и невысоких дюн. Чуть ближе к левому краю панорамы находился остров Дианме, а его товарищи Члам и Геррин располагались дальше в море темными силуэтами, более недоступные со своими секретами, столь же манящие, как обычно. Глядя на острова, я размышлял о них и не мог отделаться от гармоний, казалось, настойчиво плывущих ко мне над нескончаемыми волнами.

«Символы прилива» получили хорошие отзывы, а звукозаписывающая компания, промолчав несколько недель, вдруг объявила, что они к тому же еще и хорошо продаются. Чуть позже я и сам смог об этом судить, когда стали поступать проценты от продаж. Я был рад и изумлен, но удивился еще больше, когда стало известно, что значительная часть экземпляров продана на островах Архипелага Грез.

Денн Митри, вернувшийся на Мьюриси после своего визита по обмену, написал мне несколько писем, иногда вкладывая в них рецензии, опубликованные на том или другом из островов. Мы оба были в восторге от своего успеха, и каждый великодушно объявлял, как ему повезло, что мы вышли на одной пластинке. По правде говоря, я втайне считал, что волшебным ингредиентом в продажах служат популистские мелодии Денна Митри, а мои более строгие композиции никогда не завоевали бы популярность у такого количества людей, но сам Денн об этом и слышать не желал. Оба мы были довольны.

Я вступил в период полного удовлетворения жизнью. Наслаждался женитьбой на Алинне, и наш первый восторг друг от друга продолжался и не угасал. Мне нравилось чувство устроенности, подведенной под жизнь надежной эмоциональной основы. Исполнительское мастерство Алинны постепенно росло, и ее регулярно звали куда-нибудь играть; работа на звукозаписях приносила надежные деньги, а приглашения в оркестры или ансамбли поменьше – приятные бонусы наличными.

Пока Алинна играла, я писал. Я постоянно работал, все время пробуя новые подходы. Доход, полученный от «Символов прилива», позволил наконец бросить ежедневную бухгалтерскую работу – я уже был в достаточно зрелых годах, чтобы не слишком опасаться призыва, и потому уже не нуждался в дополнительной защите, которую давала работа.

При этом я так вполне и не освободился от страшных мыслей о призыве, потому что не мог забыть судьбу, постигшую, вероятно, моего брата Джака.

Вскоре после моей женитьбы от Джака пришло письмо. На адрес родителей, хотя мое имя тоже значилось на конверте. Письмо на нотной бумаге с напечатанным вверху номером батальона, и хотя Джак писал от руки, но выводил почему-то каждое слово заглавными печатными буквами. То была короткая записка, написанная суконным языком, словно брата заставили

переписать ее для проформы или под чью-то диктовку. Говорилось там лишь, что брат примет участие в большой кампании, которая должна положить конец войне, что он находится в обществе товарищей по оружию, которых любит и которыми восхищается, и что он хочет, чтобы мы купили выпускаемые правительством военные облигации, чтобы финансово поддержать великие события и защитить таким образом его лично.

Думаю, что все семьи новобранцев получили такие письма, и поскольку мы понимали, как оно написано и зачем послано, само по себе это не беспокоило. Однако судя по дате на штемпеле, письмо было написано вскоре после отплытия Джакса, но чтобы дойти до нас, ему потребовалось больше десяти лет. Родителей, которые к этому времени начали стареть, очень встревожила мысль, что письмо потерялось или задержалось по дороге.

Отправлено оно было с одного из островов: с увеличительным стеклом на лицевой стороне можно было прочесть выцветший штемпель красными чернилами: «Островной протекторат Уинхо». Где находился этот Уинхо? У нас не было карт, и никто из знакомых не мог нам сказать. Был ли то остров у наших берегов или далеко, на другой стороне мира? Эта дополнительная загадка углубляла наше общее беспокойство и тревогу о том, где сейчас Джек и что с ним творится.

Я написал Денну Митри и спросил, не знает ли он, где расположен остров Уинхо. Когда через несколько недель пришел ответ, он гласил, что Митри не знает, но его знакомые с Мьюриси полагают, что это где-то в южном полушарии. Денн объяснял, что, хотя карты на Архипелаге и не запрещены, но всегда трудно найти те, где изображались бы острова за пределами твоей группы или ближайших окрестностей. Он утверждал, что это общая проблема по всему Архипелагу и она как-то связана с гравитационными аномалиями. Далее он не объяснял, и из-за общей туманности выражений у меня сложилось впечатление, что объяснить не мог.

Всякий раз от общения с Денном Митри возникало ощущение, будто я плыву по неведомым морям к острову, которого не могу представить, блуждая по пути и теряя время.

Я еще несколько раз съездил в Глонд, отчасти для того, чтобы продвигать свою музыку среди менеджеров звукозаписи, но также и потому, что мне самому иногда предлагали поработать на записи в студиях. Деньги были не лишними. В конце концов удалось подписать еще два контракта, и на одной из записей мне позволили репетировать с музыкантами и руководить исполнением. Моя известность постепенно росла, а вместе с ней и уверенность. Иногда Алинна работала вместе со мной, и такие случаи были для нас особенно приятными.

Сочинением, которым в то время я больше всего гордился, была оратория «Божества времен года». Мне было очень приятно писать «Дианме», и я высоко ценил эту запись, но знал, что отсутствие уверенности в себе не дало мне тогда развить работу, как следовало. Создание «Божеств времен года» подтолкнуло меня к ней вернуться.

Работа была заказной: глондский митрополит прослушал «Символы прилива» и через посредника запросил, не соглашусь ли я написать литургическое произведение для кафедрального собора. Я не религиозен, но деньги предлагались хорошие, а условия в музыкальном смысле свободные. В качестве текста я выбрал пять из псалмов, предложенных митрополией. Формат был сложный, включающий солистов, хор, партию органа и небольшой оркестр. Я структурировал музыку по пяти псалмам, за которыми следовал певческий речитатив и заключительный респонсорий, так называемый градуал. Ход времени был передан антифоном.

«Божества» заняли у меня бо`льшую часть года. Завершив их и дождавшись первого исполнения, я на какое-то время оказался свободен от финансовых тревог и ощутил вдохновение вернуться к «Дианме» и сделать его частью более крупной работы.

Естественным развитием было бы создать трио пьес, основанное на трех островах, которые я рассматривал, как свою собственность: Дианме, Чламе и Геррине. Название для всей работы отыскалось в мифах, связанных с каждым из островов: «Пагуба спокойных морей». С появлением этой идеи заработало воображение, возникла концепция, и вскоре я полностью сосредоточился на двух завершающих частях сюиты.

«Члам» оказался необычной, разорванной музыкой. Я писал для инструментов, которыми прежде почти не пользовался: серебряного тромбона, малых барабанчиков и двух струнных инструментов с электронным усилением. Я узнал, что мифическое существо по имени Члам принесло на остров разрушение, заключив союз с демоническим созданием.

Фрагмент, названный «Геррин», тоже вышел наособицу. Миф, посвященный этому острову, повествовал о расчетливом обмане. Геррин якобы принес на остров мир и процветание, завоевал доверие населения, но за это пришлось заплатить. Время на острове стало тянуться тягостно и медлительно. Я расписал длинные романтические пассажи для камерного оркестра, но постепенно в эти темы вкрадывалась ползучая дисгармония, пока часть и вся сюита не достигали кульминации, в которой каждый инструмент сходиллся с каждым в какофонии сшибающихся нот.

Карьера моя развивалась. Помимо записей я был удостоен двух живых исполнений моей музыки в Глонд-городе. Съездил в городок, расположенный высоко в горах на материке, где выступил на рояле со своей фортепианной сюитой «Странствующий цирк», избранной впоследствии также как вступительная часть концерта Академического ансамбля из восьми инструментов в Зале Торговли промышленного города Литх. Стал вести персональную колонку с обзорами музыкальной сцены в одном ежемесячном журнале, рассчитанном на серьезных слушателей. Рецензировал записи других музыкантов. Я читал лекции и проводил семинары студентам, а в течение трех недель вел мастер-класс по композиции для лучших студентов консерватории.

Жизнь моя постепенно улучшалась. Приличный доход, который приносила музыка, стал постепенно казаться устойчивым и надежным.

А потом все пошло вкривь и вкось.

Поначалу пришедшее письмо казалось невинным. Оно было от слушателя, покупавшего мои записи и присутствовавшего на нескольких концертах. В конце длинного и большей частью восторженного послания он писал:

«Не хочу затруднять вас, монсеньор Саскен, перечисляя свою реакцию на каждое написанное вами произведение, но мне нравятся все ваши работы. Когда выходит новая запись, я всегда ее покупаю, а несколько раз брал лишние экземпляры, чтобы подарить друзьям. Особенно восхищают меня „Символы прилива“, „Дыхание“ и шедевр вашего раннего периода „Дианме“».

Пока неплохо. Мне таких писем приходило немного, так что я был рад. Однако автор продолжал:

«Несколько недель назад мой сын, находившийся в школьной поездке по обмену на один из островов к югу от нас, привез домой купленную им там пластинку. Она носила необычное название „Заблудившийся авиатор“, или, на местном языке (народном наречии острова), „Pilota Marret“. Это рок-музыка, я такую вообще-то не люблю, но когда услышал, как сын проигрывает ее, некоторые дорожки сразу привлекли мое внимание. Значительная часть музыки звучала до странности похоже на вашу, если только вы в силах вообразить свою музыку, с хрипом исполняемую группой молодых людей на электрогитарах и барабанах. Уверен, что не ошибаюсь: по крайней мере половина дорожек либо основана на ваших сочинениях, либо представляет собой их грубые переработки. Я обнаружил несомненные следы „Дианме“ и других частей „Пагубы“, „Символов прилива“, по крайней мере трех из ваших великолепных сонат для флейты, первого фортепианного концерта и много отдельных фраз и отрывков тут и там, выдержанных в вашем уникальном стиле».

Далее он перечислял еще несколько моих композиций, переписанных в музыку для гитары с усилителем.

Вообще-то я не настолько противился идее подобного переноса, как, по его словам, мой корреспондент, потому что всю музыку для меня объединяет общая цель. Я был староват, чтобы переходить в рок-музыку. Знал, что она не для меня, но ничего против нее не имел. Мне, однако, не понравилась мысль о том, что кто-то крадет мной написанное.

«Имя этого рок-музыканта Анд Анте; так же называется его группа. Сын говорит, что Анд – распространенное мужское имя на Архипелаге Грез, а „Анте“ может оказаться как сценическим псевдонимом, так и настоящей фамилией. Я хотел бы знать, не приходилось ли вам общаться с монсеньором Анте лично или слышать его пластинку?»

Далее автор письма сообщал имя и адрес столичного импортера звукозаписей, у которого имелась партия «Заблудившегося авиатора» Анте, на случай, если я захочу приобрести экземпляр.

Я ответил на письмо, поблагодарив корреспондента, и той же почтой отправил заказ на пластинку.

Следующую неделю я вел второй сезон композиторского мастер-класса, помогая полудюжине молодых музыкантов, находящихся в начале карьеры. Времени думать о письме почти не было, так что я отложил любую реакцию до тех пор, пока не получу пластинку. Отсрочка оказалась дольше, чем я ожидал: импортер ответил на заказ запиской, где говорилось, что он ожидает прибытия новой партии товара. Магазин также прислал страничку из последнего каталога.

Там упоминалась «Pilota Marret». Компания, выпустившая пластинку, располагалась на острове Архипелага Грез, называвшемся Теммил, – очередное место, о котором я никогда не слышал. Запись состояла из десяти дорожек, и автором всех числился Анд Анте. Группа состояла из четырех музыкантов, в том числе и самого Анте, играющего на соло-гитаре. Трое остальных были бас-гитара, труба и барабаны; исполнителем большей части вокала значился бас-гитарист. Самую длинную дорожку, почти пятнадцать минут проигрывания, занимал инструментальный фрагмент «Pilota Marret», давший название альбому.

Я принял, как мне казалось, разумное решение. Если не говорить про плагиат, в том факте, что кто-то посчитал мою работу стоящей кражи, есть даже нечто лестное, почти комплимент. Я не могу такого простить и, случись мне когда-нибудь столкнуться с монсеньором Анте лично, выскажу все, что думаю о его поступке, но это маловероятно, а у меня и других забот хватает.

Потом прибыла пластинка. Алинна в тот день как раз отправлялась в Глонд на очередную сессию звукозаписи, так что я дождался, пока она выйдет из дома, и лишь после того поставил диск в проигрыватель.

То, что сотворил этот Анте, оказалось хуже, чем я предполагал или хотя бы опасался. Все дорожки до единой содержали как минимум отсылки к какой-либо из моих вещей: где особую гармоническую последовательность, где обрывок мелодии, а где – манеру смены ключа. Более того, целая дорожка практически ноту за нотой воспроизводила одну из моих «Песен ветра». На другой крошечная

каденция из концерта для флейты, изящная текучая фраза всего восьми тактов в длину, была превращена в шесть минут акустического натиска визжащей гитары и сводящего с ума гулко-го грохота барабанов. Мне даже удалось различить в одной из песен паузы из «Дыхания»!

Название главного, титульного трека «Pilota Marret» на обложке оставалось без перевода. Написавший мне письмо меломан перевел его «Заблудившийся авиатор», и я пока принял эту версию. Скоро я, как одержимый, силился разобраться, о чем думал этот Анте, какие ключи может скрывать или, возможно, раскрывать такое название. Я съездил в столичную Центральную библиотеку и нашел там туристический разговорник по народному островному говору. У этого языка имелась письменная форма, подчинявшаяся правилам грамматики, синтаксиса, склонения и так далее, но из-за огромных размеров Архипелага Грез и буквально неисчислимого количества островов там ходили десятки, сотни диалектов. В сущности, «островной язык» лучше было понимать как устный, но поблизости не было никого, кто бы им владел, приходилось обходиться правилами из книжки.

Оказалось, что «Заблудившийся авиатор» может считаться адекватным переводом названия с той версии народного языка, какой пользуются в скоплении островов, именуемом Торкильской группой, – это как раз ближайшие острова к глондскому побережью. По-видимому, мой корреспондент считал торкильскую версию достаточно точной. Однако же родной остров Анте, Теммил, находился от Торкил по другую сторону мира. Я не имел представления, где именно. Он расположился в системе субтропических островов, известных на народном языке как острова Руллер; на местном диалекте «теммил» означало «перекрывающий воздух» или «душитель», а «руллер» – «плывущий аромат цветка».

Я запутался во всем этом и еще сильнее грызся нетерпением узнать, что же сотворили с моей музыкой. Наконец удалось приблизительно перевести название альбома: «Образы моря». Я решил, что это достаточно близко к «Символам прилива», чтобы пренебречь разницей, и по окончании детективной работы ощутил вдруг себя сдувшимся и вымотанным. Азарт поисков меня покинул. Теперь я был словно человек, чей дом взломали, имущество разграбили, любимые вещи вывезли и растащили.

Поделаться я ничего не мог; по крайней мере, не мог ничего придумать. Конечно, подумывал попытаться завести судебное дело о нарушении авторских прав, но

все трудности такого процесса – полное мое неведение о законодательстве островов, время, которое бы на это ушло, не говоря уж о стоимости услуг юристов – делали его непрактичным. Я понимал, что уже потерял слишком много времени. Мне надоело жечь взглядом фотографию членов группы на обложке альбома: четверо растрепанных молодых людей, державшихся вызывающе, даже мятежно, худосочных, неопрятно одетых. Снимки лиц были смазаны из-за того, что дизайнер обложки зачем-то обработал их, придав чрезмерную контрастность: резкие монохроматические линии, глубокие тени и превратившиеся в белые пятна блики полностью съедали черты, делая их одинаково похожими на черепа. На фотографиях мог быть буквально кто угодно.

То были молодые люди, живущие за полсвета, столь далекие от меня музыкально и художественно, что мы не могли бы сказать друг другу ничего интересного; уж точно не о музыке. Их музыка, их пластинка представлялась мне грубой поделкой. Несмотря на явный успех, я предполагал, что вскоре ее ждет забвение.

Я чувствовал себя замаранным тем презрением к молодым музыкантам, которое сквозило в присланном мне письме, но знал, что единственный способ сладить с проблемой – это не обращать внимания на случившееся и двигаться дальше. Не я создал эту ситуацию. Я не хотел и не мог позволить себе конфликта с монсеньором Анте и его друзьями, но предпочел бы, чтобы он не крал у меня идеи.

Помимо этого источника беспокойства жизнь оставалась занятой и продуктивной. Вышло еще две долгоиграющих пластинки, одна из них как раз подгадала к моему сорокалетию. Она представила публике мою первую симфоническую работу, официально носившую название «Опус 37. Симфония № 1 ми-бемоль минор», а в обиходе более известную как «Морская симфония». Это название я надписал карандашом на первой странице партитуры, а на студии звукозаписи кто-то его заметил и подхватил.

«Морская симфония» вся была о воображении, мечтах, желаниях. Она воспевала острова, о существовании которых мне не доведется узнать, описывала окружавшие их моря, жизнь на поверхности и в глубинах, лодки и корабли, работающих людей, созданий, плывущих под волнами, но самое главное – воображаемые берега, дома, гавани, рифы, горы, бесконечные яркие виды островов, сгрудившихся на мелководье.

Постепенно успокоенный чувством творческой плодовитости, я начал забывать об Анте. То был, однако, мнимый расцвет, ибо вскоре меня поджидало нечто куда хуже плагиата. Истинный кризис, катастрофа, погружение жизни в хаос, – но не было ни намека на то, что меня ждет или как будут развиваться события. Все началось так благополучно.

10

Я вел переговоры с администрацией Федерального концертного зала в Глонд-городе о первом исполнении вживую «Морской симфонии», когда мне доставили большой запечатанный конверт. Внутри находилось пригласительное письмо. Предстоял зарубежный концертный тур, и мне предлагалось принять участие.

В планы оркестра входило дать серию выступлений на нескольких важных островах Архипелага Грез. «Предлагалось», пожалуй, не слишком подходящее слово, чтобы описать использованные в письме выражения. Меня буквально молили осчастливить затею своим присутствием, блистательным гением и т. п.

Я многократно прочел письмо, наслаждаясь не столько лестью и неприкрытой попыткой воздействовать на мое тщеславие, сколько мыслью о долгожданном путешествии по островам, столь священным для моего внутреннего мира. Имелось, однако, одно условие моего приглашения, и оно вовсе не радовало, создавая во мне внутренний конфликт.

Стоило мне вернуться домой, как я показал письмо Алинне, просто дав ей конверт и предложив заглянуть вовнутрь. Пока она проглядывала преувеличенно вежливое письмо, я старался не обнаруживать своих чувств.

– Ты доволен? – спросила она, еще держа письмо.

– Еще бы! Еще бы! – воскликнул я, понимая, что выкрикиваю эти слова ей в лицо, но потеряв на момент над собой контроль – столь сильные чувства меня обуревали. Весь день я сдерживал возбуждение, дожидаясь этой возможности поделиться известием с женой.

- Я так и думала, - заявила Алинна; мы обнялись и поцеловались.

- Значит, ты знала все заранее.

- Сандро, я уже много недель стараюсь найти способ включить тебя в этот тур. Они-то хотели тебя с самого начала, но боялись спросить, потому что не знали, что предложить. Боялись, что ты откажешься.

- Почему же ты мне не сказала?

Она вновь меня обняла.

- Иногда тебе трудно угодить.

Я отстранился и вновь взял письмо. Ее слова показались мне намеком, ведь она так хорошо меня знала.

- Ты же знаешь, что в тур я очень хочу, - сказал я. - Но они не хотят, чтобы я играл. Как они могут так со мной поступать? У меня два концерта, несколько сонат, новая симфония. А эти сюиты об островах! Они прямо просят, чтобы я их сыграл. Я - лучший, единственный, кто может их исполнить. Если они не хотят моей игры, я бы мог дирижировать...

Алинна молча стояла рядом и ждала, пока я остыну. Мы хорошо знали друг друга. Я чувствовал ее терпеливый взгляд, но и знал, что должен сбросить пар после разочарования. Наконец жена сказала:

- Сандро, им нужно от тебя больше, чем ты думаешь. Ты уже не исполнитель, ты это перерос.

- Они хотят, чтобы я встал в сторонке и ждал в аудитории, пока другие сядут играть мою музыку?

- Ты ведь еще не читал проспекты?

- Они мне не нужны, - отмахнулся я. В конверт были вложены еще три-четыре листка бумаги, плотней втиснутые, чем маленькое, написанное красивым

почерком пригласительное письмо. – Опять меня оттесняют в сторону.

– Сандро, прочти проспекты.

Алинна уселась на маленький жесткий стульчик напротив моего письменного стола. Находиться со мною в студии для нее было необычно. Она знала все о содержимом письма. Соучаствовала в этих планах? Понимала, какой они вызовут конфликт чувств? Я извлек прилагавшиеся листки и пренебрежительно пробежал глазами.

Вопреки здравому смыслу вся затея начинала казаться мне словно замаранной. Частью рассудка я сознавал, насколько могу быть темпераментным. Алинне не первый год знакомо все, с чем я вынужден жить: навязчивые идеи, внезапные перемены настроения, долгие периоды молчания. Мной руководило искусство, экспрессия, потребность давать, но при этом я был амбициозен, ревнив и полон сомнений. Я представлял собой коктейль художнических страстей и мотивов, в конечном счете целиком порождаемых музыкой, непрерывно струившейся в моих мыслях. Я очень старался умерить страсти, выглядеть нормальным, перенаправлять импульсы, которым бы иначе поддался. Я любил Алинну, она была для меня всем, но во мне сидел дьявол музыки, требованиям которого неизбежно приходилось покоряться. Ясно было, что передо мной очередной трудный выбор, но я все равно был раздражен и разочарован.

Фамилию, которой было подписано письмо, я не опознал. Однако наскоро пролистав проспекты, я заметил там несколько знакомых имен: ведущие исполнители оркестров, с которыми мне случалось работать, знакомые музыканты, солисты, два столичных дирижера и еще трое приглашенных, имен которых мне вспомнить с ходу не удалось.

Затем шел список исполняемых работ. Привычный репертуар: симфонии, концерты, оперные арии, немного популярной легкой классики, горстка модернистских работ (в том числе две мои). Хороший выбор: разнообразный, не вызывающий возражений, приятный для исполнения и прослушивания.

На последней странице стояло мое имя. Большими буквами. «Выдающийся композитор Алесандро Саскен».

Мне предстояло наставлять юных музыкантов, проводить мастер-классы, семинары и одиночные занятия, давать приватные показательные концерты.

– Это же как раз то, что получается у тебя лучше всего, Сандро, – подсказала Алинна, заботливо наклоняясь ко мне. – Пожалуйста, не будь таким гордецом, чтобы отказаться. Этот тур может изменить для тебя все: работу, карьеру, саму жизнь.

Оглядываясь назад, ясно вижу, что в этот самый момент и совершил ошибку. Перспективы всегда двойки. Алинна говорила об изменениях к лучшему, и точно таким же образом понял смысл сказанного я. Ни один из нас тогда не сознавал, что все может обернуться иначе; но мысли задним числом – прямая противоположность предвидения.

Стань тогда будущее каким-то образом нам известно, как бы мы поступили? Слова Алинны прозвучали в тот самый миг, когда я почувствовал, что раздражение и разочарование начинают испаряться. Поездка сияла передо мной волшебной перспективой моря, островов и любимой мной музыки. Я видел, что мне предстоит, сознавал огромный потенциал.

– Расскажи, Алинна, что тебе об этом известно, – попросил я.

– Ко мне оно имеет мало касательства.

– Но ты знала, что придет письмо.

– Тот, кто его прислал, – один из главных организаторов тура, его зовут Дерс Акскон. Он островитянин, для него это первое крупное турне. Оно для него невероятно важно. Дерс родом с небольшого острова под названием Меммчек, но дела ведет на Мьюриси. Помнишь Денна Митри?

– Конечно.

– Монсеньор Акскон связался с тобой по подсказке Денна. Он сейчас здесь, в Глонде, готовит тур, ангажирует артистов. Он не знает толком, как к тебе обратиться.

- Неужели нельзя было просто позвонить?

- Сандро, он тебя панически боится.

- Боится меня?

- Некоторых ты пугаешь. По слухам, ты... раздражительный.

- Раздражительный? Я? - удивился я.

- Ты часто бываешь резок с людьми, - объяснила Алинна. - Некоторых, кто тебе нужнее всего, ты отпугиваешь.

- Но я никого не хочу задеть, - настаивал я, чувствуя себя несправедливо обиженным.

Алинна обошла письменный стол и склонилась у меня над плечом, в то время как я взялся наконец за проспекты внимательнее. Жена ласково положила ладонь мне на шею под затылком - в те дни между нами было мало моментов телесной интимности, но все-таки мне было приятно ощущать ее близость.

С годами наш союз превратился в рабочее партнерство: мы помогали и доверяли друг другу, работая по отдельности, но в гармонии; вместе планировали наши жизни, однако восторги первых дней прошли. Как будто это устраивало нас обоих, но в том, как ее теплые пальцы прикасаются к моей коже, я видел дружбу и участие.

- А ты как, Алинна? - спросил я наконец. - Если я соглашусь ехать в тур, ты присоединишься?

- Это твое. Меня уже спрашивали, но я отказалась.

- Разве тебе не хочется поехать со мной? Увидеть острова?

- Конечно же, я об этом думала. Но для тебя острова - уникальная возможность. Ты должен ехать и воспользоваться ей по максимуму. Ты всегда этого хотел. А у меня есть обыденные дела здесь.

Я полистал проспект.

– Но ведь меня не будет... сколько? Восемь недель?

– Почти девять.

Алинна потянулась к папке для нот, которую прихватила с собой и положила рядом на пол. Достав ежедневник, она показала мне все, что уже назначила, заполнив период моего отсутствия.

– Смотри, я подготовилась. Возьму еще двух учеников. Я буду очень занята без тебя все время.

Позже, проглядывая расписание поездки, в списке городов, островов и островных групп, о которых никогда не слыхал и которые мы должны были посетить, я заметил остров Теммил. Родина плагиатора, который меня обокрал. Душитель в плывущем аромате цветов.

Так все и началось.

11

И понеслось не переставая. Время поджимало, и в вихре необходимых приготовлений работать оказалось практически невозможно. Мне явно целенаправленно поручили на время тура простые обязанности. В каждом городе и на каждом острове имелась возможность проводить учебу в рабочих группах. Мне предоставлялись свободные дни, которые я мог заполнять чем хотел. Мог брать по желанию дополнительные семинары и мастер-классы, но хватило бы времени и осмотреть некоторые места, где мы побываем, и даже позаниматься творчеством в одиночестве. Короче, все было обставлено почти как отпуск, своего рода поощрение, нечто, что мне понравится.

И все же готовиться пришлось, мне понадобилось три раза съездить в Глонд-город. Нужно было встретиться с организаторами, заполнить бесчисленные

бланки разнообразных островных государств, получить зарубежный паспорт со множеством виз, пройти прививки против всяких тропических болезней и укусов насекомых, составить список музыкальных инструментов, которые я намерен везти с собой (я остановился на скрипке), и поучаствовать в обсуждении иных общих требований. Помогавшие мне в процессе подготовки сотрудники, как и я, сплошь были коренными глондцами и потому имели самое смутное представление о том, с чем можно столкнуться во время путешествия. Нам было сказано, что перед отбытием организаторы тура устроят информационное собрание.

Мне приходилось полегче в этот подготовительный период, чем оркестрантам и солистам, так что, несмотря на все поездки туда-сюда, подробные обсуждения, какую одежду взять и так далее, у меня все-таки оставалось время для размышлений.

Я так часто и долго воображал себе острова, что сложил в уме образ Архипелага, непротиворечивый, но целиком выдуманный. Эти фантазии успешно помогали мне писать музыку, но сможет ли реальность состязаться с мечтой? Что я увижу на самом деле и как мне на это реагировать?

За три дня до отбытия я отправился в Глонд на общее собрание. Оказавшись там, я впервые понял, как много людей собралось в тур: полный состав симфонического оркестра, отдельные музыканты, которым предстояло участвовать в исполнении камерных вещей, множество певцов и солистов, звукооператоры и рабочие сцены, административный персонал.

Я пребывал в отличном расположении духа, как и все прочие, с кем мне случилось перемолвиться. Этому способствовало уже хотя бы то, что мы покидали Глонд накануне холодов – уже подступала пасмурная сырость типичной для здешних краев зимы, когда перемешивание воздушных слоев усиливало туманные испарения промышленных выбросов, земля намертво замерзала, а с северных гор обрушивался холодный ветер. Мы пропустим первые зимние недели, всегда самые тяжелые, потому что перемен к лучшему ждать предстоит несколько долгих месяцев.

Наконец всем предложили занять места и к нам обратился наш промоутер Дерс Акскон, фигура, доселе мне незнакомая. С первых слов мне понравилось звучание его голоса: в нем слышались те же музыкальные нотки, островная напевность, которую я подметил когда-то у моего друга Денна Митри.

Аксон кратко и с юмором поговорил о перспективах, ожидающих оркестр и исполнителей, о том, какой приятной должна оказаться поездка и как важно донести до островов современную музыкальную культуру. Он объяснил, что многие островитяне считают, будто находятся в культурной изоляции, и шутливо предупредил об энтузиазме, с которым будут встречать наши концерты и который окажется более шумным, чем мы привыкли ожидать от северной аудитории.

Закончил Аксон свое выступление тем, что представил множество знаменитостей, которым предстояло участвовать в туре: дирижеров, певцов, сольных исполнителей. Я оказался среди тех, кого попросили встать, и мне ободрительно похлопали.

Затем распорядители сообщили кое-какие дополнительные сведения по организационным вопросам: план поездки, как нужно поступать в случае мелких аварийных ситуаций, к кому с какими делами обращаться и так далее. Последовал ряд вопросов и ответов, в ходе которых были подняты и разрешены еще несколько мелких проблем.

В завершение встречи монсеньор Аксон вернулся на подиум.

– Я вынужден закончить на серьезной ноте, – произнес он. – Музыка – международный язык. Она пересекает и стирает границы. Но, боюсь, есть и другие границы, о которых никогда нельзя забывать. Путешествуя по Архипелагу Грез, помните, что страна, которую вы представляете и где мы сейчас находимся, участвует в войне. По закону, обычаю, договору, наклонностям все острова, которые вам предстоит посетить, – нейтральная территория. Островитяне привычны к миру, длящемуся столетиями. Они придут на ваши концерты ради музыки, ради того, что вы артисты, зная, что вы не люди войны. Им известно также, что война, в которую вовлечена ваша страна, в настоящее время, к счастью, как бы приостановлена, но тем не менее от вас будут ожидать уважения к их нейтралитету во всех смыслах.

Протянув руку за спину, Аксон извлек небольшой, крепко сработанный портплед и поднял его, показывая всем.

– Этот предмет вы должны будете постоянно иметь при себе, – продолжил он. – Пока длится ваш тур, власти никак не станут в него вмешиваться, можете быть

уверены. Общего правительства на Архипелаге нет, но существует дипломатический орган, известный как Сеньоральный Совет. Совет дал разрешение на поездку, но он хочет уверенности, что все вы вполне подготовлены к этому краткому визиту на острова. Поэтому поставлено условие, чтобы каждый носил вот такой набор.

Откинув верхний клапан, Акскон продемонстрировал внутреннюю часть.

– Что ж, знаю, вы рады будете услышать, что не все содержимое – продукт бюрократии. Здесь вы найдете куртку, не форменную, но она будет вас идентифицировать как участника оркестра. Еще шапочка, это просто так, хотя солнце на островах может быть очень ярким. Здесь же, внутри, будут находиться все ваши путевые и личные документы, въездная и выездная визы и так далее. Прежде чем расходиться, обязательно заберите свою сумку и распишитесь. Вы увидите щедрость принимающей стороны. В каждом портпледе вы найдете набор сертификатов, которыми можно пользоваться во время путешествия при посещении ресторанов, магазинов, музеев и даже некоторых баров в тех городах, где вы окажетесь. Также внутри имеются деньги. Денежная единица Архипелага называется «симолеон», и Совет выделяет каждому участнику тура на повседневные расходы сто симолеонов. Эти деньги не входят в обусловленное вознаграждение за участие в туре, которое будет выплачено отдельно.

Излагая все эти приятные вещи, монсеньор Акскон раскладывал портплед и демонстрировал каждый предмет, а потом укладывал обратно. Я так же радостно улыбался в ответ, как и все остальные, предвкушая ожидающее нас приключение.

Оставшись один в поезде на обратном пути, я открыл портплед, полученный под расписку, и осмотрел содержимое. С облегчением я обнаружил там свой паспорт, который получил всего две недели назад, рассмотрел разнообразные визы, аккуратно оттиснутые на внутренних страницах. Нашел я и островные наличные, которые переправил к себе в бумажник, гадая, чего может стоить эта сумма.

На дне портпледа находился некий твердый предмет, и я достал его посмотреть. Монсеньор Акскон продемонстрировал нам с подиума и эту вещь, взмахнув ею над головой, как небольшим мечом, и назвав «жезлом». Предмет вызвал в толпе смех из-за сходства с дирижерской палочкой. Акскон о нем особенно не

распространялся, сказав только, что жезл должен постоянно храниться в портпледe на всем протяжении путешествия.

Он представлял собой короткую палочку или стержень из голой, нелакированной древесины, зато отшлифованной и отполированной настолько, что казался на ощупь почти мягким. Кончик жезла был обточен и закруглен. На другом конце имелась рукоять из металла и другого сорта дерева, прочно прикрепленная к древку. На металле было выгравировано несколько слов, которых я не понял, но предположил, что это фраза на народном островном языке: «Istifade mehdudiyet bir seks – doxsan g?n».

Сжав жезл, я поднял его повыше, чтобы как следует рассмотреть под самым светильником вагона. Мне хотелось им помахать, как это сделал монсеньор Акскон, но в вагоне и кроме меня были пассажиры. Пришлось сунуть палочку обратно в портплед.

12

На следующий день я вместе с Алинной отправился навестить родителей. Они жили по-прежнему в нашем старом семейном доме, который опять показался мне меньше и теснее, чем был, когда я сам жил там ребенком. Так как последние месяцы выдались крайне занятыми, а с матерью я постоянно держал связь по телефону, мы не заходили туда уже больше года. Но стоило нам войти, как я понял, что жизнь родителей с последнего визита претерпела сильный упадок.

Дом выглядел неприбранным и заставленным; в коридоре и на лестнице штабелями выстроились картонные коробки. Большая передняя гостиная была забита мебелью и опять же коробками. Родители, судя по всему, обитали в уютной комнате для музицирования в задней части дома: там по-прежнему стоял рояль, но к нему присоединились курганы нотных листов и сотни старых газет, сложенных стопками вокруг и частично внутри камина. На полу валялись невымытые тарелки и разрозненные столовые приборы. Шторы были задернуты, но к гардинам прицеплены кое-как, а одна из гардин вообще отошла от стены. Внутрь углом вливался солнечный свет. Надо всем витал неприятный запах.

Мы с Алинной принесли с собой скрипки, помня о последнем визите, когда мы с родителями играли все вместе допоздна, но на сей раз, стоило нам понять, что здесь творится, мы убрали футляры подальше с глаз в прихожей.

Бо`льшую часть времени, что мы там провели, отец бессловесно просидел в кресле за роялем, почти скрытый от наших взглядов фотографиями в рамках, стоявшими на крышке. Он приветственно поднял руку, когда мы вошли. Алинна, обойдя рояль, попыталась поговорить с ним.

Родителями полностью овладела скорбь, лишившая их радостей жизни и надежды на будущее. Стоило нам пройти внутрь, как я понял, в чем дело. Все было из-за Джака, который так и не вернулся, по-прежнему находясь где-то на войне, спустя столько лет. Это его портреты стояли на рояле – он выглядел там, как мальчик, да мальчиком он и был на этих изображениях. Письмо, которое он прислал перед отправлением на юг, тоже было вставлено в рамочку и стояло перед фотографиями. В этом письме, в этих выцветших снимках заключалась единственная наша надежда когда-нибудь снова увидеть Джака. Столько лет уже прошло без него.

Отсутствие Джака оставалось постоянным фоном для всего, что я делал. Случившееся с ним, что бы это ни было, вселяло в меня ужас, несчастье, вину, беспомощность; но ведь невозможно испытывать все эти эмоции изо дня в день, час за часом. Я страшился за него, был полон ужаса перед известием, которое мне казалось неизбежным: что Джек погиб, пропал без вести, смертельно ранен, дезертировал и расстрелян. Все эти возможности я обдумывал многократно.

Однако время шло, я жил своей жизнью, дурные вести не приходили, но и Джек не возвращался. Я его не забыл, всегда держал в памяти, как его увозили, но с течением лет вспоминать брата становилось все труднее. Ужас, беспомощность и несчастье – уже плохо, но труднее всего было справиться с чувством вины.

– Скоро Джака вернут домой, – сказала в тот день моя мать. Она перечислила другие подразделения, в которые набирали рекрутов за несколько месяцев до призыва Джака. – 275-й батальон уже благополучно прибыл. Ведь их отпускают по порядку, правда? Должно быть, уже немного осталось, и мы увидим Джака.

Она ждала возвращения 289-го. Жизнерадостно, но бессвязно пересказывала она сводки новостей, распространявшиеся военной хунтой по радио. Передавали

их регулярно, каждую неделю, и я тоже слушал эти передачи, пока не понял, что они представляют собой в действительности.

Маму утешали эти невнятные сообщения то об успешной стычке здесь, то о разгроме вражеского отряда там, то о победе, то о тактическом отступлении, то о заложении новой крепости, то о долгом марш-броске по льдистой пустыне для подкрепления соседних участков фронта – всегда с минимальными жертвами. Она указала мне на груды старых газет. Сведения из них всегда были ободряющими. Среди юных глондских солдат даже раненых неизменно было немного, тогда как бойцы противника, Файандлендского Альянса, якобы несли страшные потери. Конца войне все еще не предвиделось, но наша сторона одолевала. Победа была неизбежна. Когда-нибудь.

Мы просидели с родителями, сколько могли, но тоскливо было видеть их в таком состоянии. Алинна приготовила легкий ужин, и за столом отец оказался рядом со мной.

– Я проигрывал твои записи, Сандро, – сказал он.

– Тебе понравились?

Я был польщен.

– Понравились.

Немного погодя он повторил:

– Я проигрывал твои записи, Сандро.

– Спасибо, папа.

Я попытался рассказать им о туре, которому предстояло начаться меньше чем через сорок восемь часов, но, по-моему, ни отец, ни мать ничего не поняли.

Когда мы вернулись домой, Алинна сказала:

– Ты понимаешь, что почти никогда не рассказывал мне о Джаке? Каким он был, что ты о нем помнишь, что испытываешь к нему.

– Не знаю, что и думать, – ответил я. – Стало быть, я не знал, о чем рассказать. Я потерял брата, даже не успев понять, что теряю его. Не знаю, увижусь ли с ним когда-нибудь.

– Сколько ему сейчас?

– Он старше меня на четыре с небольшим года.

– Значит, сейчас он... среднего возраста?

– Почти пожилой, – согласился я.

– Разве в таком возрасте еще служат в армии?

– Я всегда думал, что он был слишком молод для службы. И чем больше проходит времени, тем я больше в этом уверен. Глядя сегодня на эти старые фотографии...

– Нам бы следовало почаще видеть твоих родителей, – предложила Алинна.

– Да, – подтвердил я, но сам думал уже о поездке, которая неуклонно приближалась. – Мы обязательно зайдем к ним, как только я приеду.

– Хочешь, я буду их навещать, пока ты едешь?

– Это же всего несколько недель. Давай уж подождем, пока я вернусь.

Теперь я часто вспоминаю эти слова.

Встреча с родителями совсем лишила меня присутствия духа. Следовало бы отменить поездку, но я этого не сделал. Такой поступок убил бы самую суть моей работы. Я знал, что живущие во мне образы океана и разбросанных в нем островов основаны на фантазиях и мечтах, порождены любопытством, возвращенным невежеством. Чтобы завершить труд, приняться за большие, серьезные задачи, которые, как я думал, ждут меня впереди, необходимо было встретиться с Архипелагом Грез напрямую.

Тур начинался с гала-концерта на большой сцене Федерального концертного зала в Глонде, в столице. Алинна присутствовала вместе со мной – я в концерте официально не участвовал, так что мы сидели с ней рядом на предоставленных нам местах в передних рядах и впитывали величественные, изысканные звуки первоклассного оркестра, исполняющего три сочинения великих классиков. После окончания дарили цветы, произносили речи, лили слезы. Грянули, словно гром, овации; оркестр сыграл легкую, радостную вещь на бис и ушел со сцены; публика аплодировала стоя. Мы с Алинной провели вместе последнюю ночь в отеле, а поутру распрощались.

14

Порт, примыкающий к Глонд-городу, называется Квестиур, и первый корабль в путешествии на острова причалил именно там, ожидая, пока мы взойдем на борт. Подобно всем остальным, я в Квестиуре ни разу не был. Много лет он использовался исключительно как военно-морская база, и штатских лиц туда не пускали. Поскольку сейчас война как бы замерла в неподвижности, по крайней мере для домашних территорий воюющих стран, акваторию наконец решили открыть для гражданского судоходства.

Из отеля нас отвезли в целой веренице автобусов прямо на пристань. Погрузились не сразу, поскольку нужно было убедиться, что все инструменты при нас и правильно учтены. Мой футляр со скрипкой разгрузили в первой же партии, так что, поджидая других, я немного прогулялся по огромному причалу, где было пришвартовано наше судно.

Теперь, когда я готов был высвободиться из мира, почти целиком основанного на внутренней жизни, проснулось любопытство и мне хотелось посмотреть на одно

из мест, которые столь долго оставались государственной тайной. День выдался сумрачным, по серому небу спешили облака. Ветер нес жалившие лицо ледяные иглы. Гавань оказалась угрюмым, тревожным местом; многие строения вдоль причалов стояли заброшенными. Я поспешил назад и с облегчением поднялся по сходням в теплое нутро судна.

В ту ночь я не скоро оказался в койке, потому что для каждого из нас путешествие было шагом в неизведанное, побегом в иную жизнь. Все, с кем я беседовал, выглядели оживленными, возбужденными, говорили громче и выразительнее, чем обычно. Это настроение оказалось заразительным. Салоны и столовые на судне были роскошны и хорошо снабжены продуктами. Похоже, корабль отчалил, пока мы ужинали, потому что вибрация двигателей, остававшаяся постоянным фоном после восхождения на борт, сделалась громче и настойчивей. Скоро судно набрало ход, и мы вышли в открытое море.

После нашего первого ужина на борту многие переместились в ближайший бар и там продолжали праздновать. Стоя рядом с другими музыкантами, слушая разговоры и вступая в них сам, смеясь вместе с остальными, я чувствовал себя непринужденно, почти как никогда в жизни. Глонд исчез, Глонд остался позади. Мы плыли навстречу миру и нейтралитету, умиротворяющему и насыщенному энергией островному воздуху, островным морям. Я хотел бы уже быть там, да ведь я там и был, как я тут же понял, наслаждаясь размывающим четкость зрения воздействием спиртного.

В момент относительного спокойствия я оказался в одиночестве у стойки бара, с большим стаканом виски в руке, ощущая, как корабль подо мной движется туда-сюда, вверх и вниз, и еще как бы скручивающим движением из стороны в сторону, – мягкое, безопасное чувство стремления вперед, к цели, к назначению. Некоторые из коллег заявили, что движения корабля вызывают у них дурноту, и покинули салон, надо думать, чтобы разойтись по каютам, но я никакой дурноты не чувствовал. Мне хотелось, чтобы корабль устремлялся вперед, разрезая океанские валы, набирал скорость и поскорее доставил нас к месту первой высадки на остров.

К тому времени как я вернулся в каюту, кое-как добравшись туда сквозь туман выпитого, я уже размяк и хотел спать. Забравшись в койку, растянулся с приятным чувством, что отдаюсь на попечение удобств корабельной жизни.

Поутру, еще не проснувшись, я уже ощутил бортовые движения и шумы. Перевернулся с боку на бок, потом обратно, потянулся, нежась в вибрации двигателей глубоко внизу. Я легонько коснулся пальцами металлической переборки; ее мягкая дрожь дразнила, словно прикосновение к струнам скрипки.

В иллюминатор лился яркий солнечный свет, но я какое-то время не раскрывал глаз навстречу его лучам, желая продлить ощущение роскоши. К тому же побаливала голова – я понимал, что перебрал вчера вечером. Наконец я осторожно спустился с койки и склонился к иллюминатору. Оперся руками о металлический обод и, моргая, всмотрелся в сияние дня.

На меня обрушился поток ярких красок. На мгновение, захваченный врасплох, я даже не мог толком разобрать, что передо мной. Затем картина обрела четкость. Судно медленно двигалось, направляясь к берегу. Суша была так близко, что, казалось, нависала над нами, словно каменная стена или обрыв, сплошь покрытый разноцветной листвой. Поначалу я был уверен, что если бы как-то смог отдраить иллюминатор, то легко протянул бы руку и сорвал ближайšie цветы или провел бы пальцами по неровностям скалы. Но, конечно, корабль не мог быть настолько близко, и, всмотревшись вверх и в стороны, я обрел реальную перспективу. Мы проплывали от обрыва не менее чем в пятидесяти метрах, но этот каменный бастион был столь огромен и крут, что нависал над кораблем и охватывал его со всех сторон.

Никогда я не встречал ничего подобного. Краски меня ослепили.

Я рос в тусклой стране. В Глонде нас окружал мир серого, как зола, камня, серых бетонных зданий, черных дорог, галечных пляжей, сумрачных деревьев, никогда не терявших своих вечнозеленых иголок, крутых гор, то обращавших к нам голые скальные лики, то покрытых снегом. Площади в городах были вымощены сланцевой плиткой; разделенные рамами окна старых домов мелкими осколками отражали облачные небеса.

Конечно, за городом начиналась сельская местность, но большая ее часть была отдана под посевы монокультур, а то, что оставалось невозделанным, представляло собой обширные территории поросших кустарником каменистых или песчаных почв. В городах Глонда оставалось мало открытых пространств – ни парков, ни игровых площадок, ни бульваров. Надо всем явственно тяготело наследие тяжелой промышленности. Под влиянием войны, ее омертвляющего,

нивелирующего воздействия на общество оставалось мало ярких огней, лишь скромные рекламные объявления, сдержанные вывески учреждений и магазинов, задернутые шторы на каждом окне, двери, закрытые круглый год. Даже флаг у нас был почти одноцветный: темно-серый фон, а на нем эмблема святого Слифа, крест насыщенного красного цвета, увенчанный двумя узкими поперечными линиями.

Пока я жил дома и жадно всматривался за блеклые прибрежные воды, туда, где маячили прекрасный Дианме, тревожный Члам, неясный Геррин, – даже тогда я различал лишь силуэты, темные холмы, выступающие над по-южному ярким морем, прятавшиеся днем в ореоле солнечного сияния, а ночью во тьме. Большею частью все заволакивала дымка, грязные миазмы, исходившие от нашего побережья и лениво расплзавшиеся по поверхности моря, размывая и закрывая вид. Эти три острова не смогли дать мне представление о том, как на самом деле будет выглядеть Архипелаг. Теперь же я видел!

Был ли этот остров, чей одетый цветами обрыв мы сейчас огибали, одним из тех, которые можно разглядеть с суши? Далеко ли мы успели отплыть от угрюмого Квестиура, пока я напивался, чтобы заставить себя уснуть, а потом спал? И вообще, сколько я проспал?

Хоть и мирно отойдя ко сну, крепкому благодаря виски, ночью я все же несколько раз просыпался, первый раз чтобы посетить туалет, а затем пребывал в состоянии полувозбуждения-полудремы, пока дневной свет не озарил небо в иллюминаторе. Я отыскал свои часы – они показывали привычное время, в которое дома я обычно выбирался из кровати и отправлялся на поиски завтрака. Вот и хорошо, я не хотел бы проспать весь день.

Умываясь и одеваясь как можно быстрее, я тем временем заметил, что в каюте уже имеются двое часов или два хронометра, встроенные в стену возле двери. Одни показывали то же время, что и мои наручные часы, другие же опережали их более чем на четыре часа. Я решил, это должно означать, что мы пересекли за ночь одну или несколько часовых зон.

На обоих циферблатах имелись надписи, истолковать которые я не смог. Вероятно, на островном народном языке. Те, что слева, были надписаны «Mutlaq Vaqt», правые – «Kema Vaqt».

Одевшись, я тотчас же покинул каюту и заспешил к трапу, надеясь найти проход на одну из верхних палуб. По пути мне встретилось несколько оркестрантов, но останавливаться и заговаривать я не стал. Отыскав дверь, я шагнул из внутренних помещений корабля прямо на ослепительный, жаркий солнечный свет. Белые корабельные надстройки отражали это сияние, и я вскинул руку ко лбу, чтобы защитить глаза, но еще раньше успел заметить то, в поисках чего и вышел наружу.

Мы шли проливом, настолько прямым и окаймленным столь ровными обрывами, что он мог быть только искусственным. Ширины канала как раз хватало для нашего корабля, зазор оставался небольшим. На обрывах, служивших каналу стенами, виднелись кое-где голые проплешины, отливающие каменным блеском, но остальное сплошь покрывали пышные заросли кустов, цветов и лиан. Долетающие оттуда ароматы чуть не сбивали с ног.

Видно было, что впереди обрывы скоро заканчиваются, и за ними простирается открытое море. Скоро судно достигло конца прохода, и когда мы его покинули, я смог оглянуться и увидеть, что вдоль острова, который мы миновали, тянется линия гор, а канал представляет собой углубленную и расширенную долину. Горы раскинулись в обе стороны, насколько хватало глаз.

В бухте, которую мы пересекали, лежали в дрейфе другие суда. Стоило нам покинуть устье канала, как ближайшее начало разворот, а потом направилось ко входу. Это был какой-то длинный паровой сухогруз с низкой осадкой; на палубе его возвышались два больших крана. Темную кормовую надстройку покрывали пятна, а корпус пестрел пробивающейся сквозь краску ржавчиной. Суда обменялись сиренами, и к нам долетел запах угольной пыли.

Я заметил, что у фальшборта кто-то стоит, и узнал Ганнера, виолончелиста, с которым мы иногда вместе играли на концертах и звукозаписях. Обрадовавшись знакомому лицу, я подошел к нему.

– Похоже, мы прошли уже большой путь, – обратился я к Ганнеру. – Вы, часом, не знаете, где мы?

– Вы поздно встали, – неожиданно отозвался тот.

– Почему вы так решили?

- Вы пропустили информационное собрание утром, после завтрака. Один из судовых офицеров описывал наш маршрут.

- После завтрака? - опешил я. - А который час?

Ганнер протянул руку, давая взглянуть на свои часы. Они показывали далеко за полдень, опережая мои на четыре часа. Я отпустил самоуничижительное замечание, что, дескать, перебрал накануне, и, сняв часы, поставил их по часам Ганнера.

- В каждой каюте есть хронометры, - подсказал он. - Команда рекомендует пользоваться ими, а на свои часы не смотреть.

- Я видел, - согласился я. - Двое часов с разным временем. Не знаете, зачем?

Ганнер покачал головой.

- Здесь все по-другому. На собрании и кроме вас многих не было. Наверное, это не слишком важно. Ни одно из названий мне ничего не говорит, да и остальным тоже.

Услышав это, я огорчился, - мне-то как раз очень хотелось узнать названия островов.

- Вы не могли бы вкратце передать, что там было сказано? Они говорили, как называется этот остров, который мы только что прошли?

- Офицер его называл, но я не очень-то обратил внимание. Сик? Сек?

- Может быть, остров Серк? - предположил я. Мне попадалось это название в качестве транзитного пункта в одном из документов. Собственно, даже два названия: Большой Серк и Меньший Серк, что само по себе интриговало.

- Может быть, - согласился Ганнер. - А почему вы спрашиваете?

- Просто интересно.

Мне не хотелось вдаваться в подробности. Я уже чувствовал, как тревога клубится во мне, конденсируясь в неожиданную идею, звук слов, череду нот, ярко сияющую в душе.

Серк, Серк, – я тебя знаю!

Это было только мое, то, чего я не хотел обсуждать.

Ганнер бросил взгляд на солнце и отер блестящее от пота лицо.

– Моя одежда не годится для этого климата, – заметил он. – Спустишь в каюту, переоденусь.

Он ушел, предоставив мне в одиночестве восхищаться видами. Море было спокойным и серебристым; корабль вздымал расходящиеся бурунчики белой пены. Лазурь неба не нарушало ни единое облачко, и солнце палило вовсю. Я подошел к фальшборту и смотрел назад, на массивные горы острова, который мы только что миновали. Уже нельзя было рассмотреть узкий вход в канал, хотя складка горного хребта указывала, в каком месте он пролегал.

Ровный гул двигателей, шелест ветра, вид морских птиц, паривших и закладывающих виражи за кормой, неопознаваемые, но непрерывные звуки корабля, мощно раздвигающего волны, – все это приводило меня в восторг. Все чувства ожили; я поневоле различал ритм в глубоком гудении машин далеко внизу. Горячий ветер шумел в ушах, солнце покрывало воду зеркальным блеском. Все вокруг содрогалось от звуков; впечатления хлынули и затопили меня.

15

«Mutlaq Vaqt» оказалось фонетической записью выражения на народном языке, означавшего «абсолютное время». «Kema Vaqt» значило «корабельное время». (Кажется, они никогда не совпадали.) Остров, который мы миновали, назывался Серк, как я и предполагал, и канал разделял его на два искусственно созданных региона: Большой Серк и Меньший Серк. Серк представлял собой очень длинный

остров, неудобно расположившийся поперек множества популярных судоходных маршрутов, а по краям еще и был окружен опасными мелями, поэтому около века назад и был прорыт канал. Собственно Серк был крупнейшим в очень большой группе островов, также именующихся Большими Серкскими, или Серками. По-видимому, существовала и еще одна группа, за полсвета отсюда, еще более крупная и парадоксально поименованная Малыми Серками. В той группе тоже имелся свой остров под названием Серк. Два Серка совершенно определено были разными островами, хотя их периодически путали. Между ними установилось вялотекущее соперничество. Оба пользовались популярностью у туристов, оба были образовательными центрами, оба породили важных исторических личностей, на обоих действовали программы индустриализации, оба покрывал лес и прорезали крупные горные хребты, а местные языки на обоих считались серкскими, хотя то были совершенно несхожие языки, вплоть до того, что в них использовались разные алфавиты. Жители одного Серка редко навещали другой, хотя тому не было никаких особых причин, помимо разделявшего их огромного расстояния.

Эту путаную информацию я получил у молодой женщины по имени Джиа, которая работала у Дерса Акскона помощницей по связям с общественностью. Она присутствовала на нашем собрании перед поездкой и была одной из тех, кто предлагал нам обращаться за помощью и советом во время путешествия. Я разыскал ее на второй вечер перед ужином и попросил сесть за мой столик, чтобы мы с тремя музыкантами-сотрапезниками могли получить толику информации. Когда все расселись, я спросил, известно ли ей, какую часть Архипелага судно проплывает.

– Мы все еще в Больших Серках, – сообщила Джиа, и вот тут-то как раз попыталась растолковать путаницу с двумя одинаково названными островами и их группами. Когда мы прояснили этот вопрос, она добавила:

– В данный момент мы направляемся к острову под названием Веслер и должны там причалить завтра рано утром. Веслер – это то место, где вы должны по плану дать первый концерт.

Тут я припомнил, как, полагаю, и остальные, что действительно видел название «Веслер» в нашем расписании.

– Вы узнали какие-нибудь из островов, мимо которых мы проходили? – спросил я.

Джиа приняла озабоченный вид, словно мои вопросы ставили под сомнение ее компетентность как помощника-информатора. Я вовсе не собирался этого делать, просто хотел узнать, где мы находимся. На корабле нигде не было ни лочий, ни карт, а все коллеги знали ничуть не больше моего. Судя по всему, утреннее собрание, о котором говорил Ганнер, пропустило большинство.

Мгновение спустя Джиа призналась:

– Я родилась совсем в другой части Архипелага. Я родом с Гоорна, а он совсем не похож на здешние места.

– И в чем разница?

– Гоорн расположен на севере, возле полярного круга. В островной группе Хетта?.. – вопросительной интонацией она как бы намекала, что нам, может быть, известно это название, но я покачал головой. То был очередной фрагмент сведений об Архипелаге, очередное добавленное в копилку название, за которое я жадно ухватился. «Гоорн» – звучало не слишком гостеприимно. Это слово не откликнулось в моей душе.

– На Гоорне долгая зима, – продолжала Джиа. – Лето длится всего несколько недель. Море стоит замерзшим почти полгода. Это гористый остров, а на его северном побережье много фьордов. Здесь острова совсем другие. Мне нравится эта жара, а вам?

– Тоже, но я не имел понятия, что есть такие части Архипелага, где море замерзает. Я думал, все острова тропические или субтропические.

– Не все.

– Что вы можете рассказать о Веслере?

– У меня в каюте есть несколько фотографий тамошнего главного города, где вы остановитесь. Он называется Веслер-Гавань. Завтра я принесу эти фотографии, но к тому времени мы, наверное, будем уже готовы сойти на берег. Всем забронированы номера в отеле, подтверждения хранятся у меня, так что с этим проблем не будет. Место, где вам предстоит играть, называется Зал Паласио.

Веслер лежит от нас к югу, так что там, вероятно, будет еще теплее, чем здесь.

– Там уже тропики? – спросил кто-то из музыкантов.

– Не совсем... то есть не знаю точно. Я там тоже буду впервые.

Далее Джиа рассказала, что, закончив дела на Веслере, мы сядем на другой корабль и пойдем уже не прямо на юг, но уклоняясь к западу. Многие острова в экваториальных регионах не заселены или малоразвиты, сообщила она.

Монсеньор Акскон и его сотрудники осведомлены, какое воздействие влажный климат может оказывать на некоторые музыкальные инструменты, так что самых жарких мест будем избегать.

Вечером, оставшись один у себя в каюте и готовясь ко сну, я проигрывал в голове дневные воспоминания: виды, открывавшиеся с палубы, и в целом новый для меня опыт пребывания на судне, жизни на море, мгновенного отклика на малейшие изменения курса. Я уже начинал любить неторопливые, циклические ритмы, управляющие большим кораблем на спокойном море, мягкую качку и ощущение того, что в каком-то не поддающемся определению смысле судно живое. И, конечно, сами острова, открывавшиеся со всех сторон, безграничное разнообразие их форм и размеров, нескончаемое представление, манившее меня видами и плывущими через ширь невысоких волн ароматами.

Сон не шел. Мне не хотелось больше пьянствовать в салоне, так что я улегся трезвым, как обычно всегда делал дома, но на судне все было иначе. Возбуждение бродило во мне, хоть я и пытался расслабиться, успокоить нервы. По мере того как тянулась ночь, я начал сознавать, что пережитое за день в чем-то, быть может, должно послужить мне предупреждением.

Пока я не выступил в этот путь по Срединному морю и Архипелаг Грез был скрыт от меня, их существование оставалось скорее духовным, чем физическим.

Прежде они говорили со мной воображаемыми тонами и звуками. Мне представлялось, что они составляют часть некоей системы тайн – с какой стати не существует ни книг о них, ни карт, по крайней мере таких, которые было бы легко найти? Зачем правительству моей страны замалчивать их существование?

Острова составляли некую систему, формат, структуру в том смысле, как я понимал структуры: действия или части, которые, будучи отдельными и

самостоятельными, в то же время образуют целое. Острова, думал я, как соната: мой любимый Дианме – в сущности, вступление к Архипелагу в темпе аллегро, Члам – вариация той же темы анданте, Геррин – финальное рондо.

Но это касается академической музыки. Настоящая музыка бывает в сердце, это страсть. Я привык представлять себе острова отдельными нотами, группы островов – аккордами или тактами, путешествие по островам – своего рода гармоничной последовательностью, Архипелаг же в целом – громадной незаписанной симфонией, ожидающей, чтобы ей придали связную форму. Может быть, так оно и есть, но я об этом никогда не узнаю. Даже если бы я потратил всю жизнь, узнавая острова лишь по их внешности, лишь выясняя сам факт их существования, это было бы все равно что пытаться понять хоральную симфонию в пяти частях по трем-четырем выбранным наугад шестнадцатым нотам.

Музыка приходит изнутри – ее пишут не пальцы, бьющие по клавишам рояля, не движение смычка по скрипичным струнам, не губы, сжимающие мундштук флейты, даже не ручка, черкающая по нотной бумаге. Такая музыка вдруг перестала для меня что-либо значить. Я понял, что моя задача – понять музыку островов, научиться ее определять, ощутить, почувствовать.

Так эта ночь стала ночью переоценки смыслов. Может быть, я ненадолго засыпал: иногда мысли были яснее, иногда путаней. Но спокоен я не был ни минуты. Однажды меня привел в полное сознание негромкий механический звук, издаваемый чем-то внутри каюты. Я сел, включил небольшой светильник, прикрепленный к полке у моего изголовья, и в конусе хлынувшего света попытался определить источник звука.

Стрелки одного из хронометров не торопясь двигались назад. Я сел: это оказался «Kema Vaqt», измеритель корабельного времени. Стрелки описали дугу, вернувшись более чем на полчаса, потом остановились. Миг спустя абсолютное время, «Mutlaq Vaqt», двинулось вперед в ускоренном темпе. Когда оба циферблата показали одно время, изменения, управлявшиеся из какого-то центра на корабле, прекратились.

Выключив свет, я возобновил попытки заснуть.

Та же тревожность подняла меня на ноги вскоре после восхода солнца. Не желая пропускать еще какие-нибудь информационные собрания, я принял душ, оделся и поднялся на палубу. По-прежнему мне хотелось как можно больше узнать о нашем маршруте и о разных местах пребывания. Выходя из каюты, я бросил взгляд на ручные часы, надеясь, что в этот раз не опоздаю к завтраку. Часы показывали то же время, что «Kema Vaqt». От «Mutlaq Vaqt» они на несколько часов отставали.

Поднимаясь по трапу в обеденный зал, я заметил, что корабль замедлил ход. В окнах салона проплывали лебедки, краны, крыши складов и надстройки других судов. Двигатели издали глубокий скрежещущий звук, и я увидел, что мы подплываем к бетонному причалу.

К тому времени, как я позавтракал, корабль окончательно пришвартовался, и все готовились сходить на берег. Похоже, опять я от всех отстал. Поспешно пакуя сумку у себя в каюте, я вновь сравнил время на часах с показаниями хронометров. Те вновь изменились, то ли один еще больше отстал, то ли другой ушел вперед. Время ручных часов не совпадало ни с одним, отставая от обоих. Я завел часы, переставил их по «Mutlaq Vaqt», закончил собирать вещи и присоединился к толпе у сходней.

16

Сойдя с судна, мы пересекли широкий бетонный причал и были направлены сопровождающими к длинному и низкому зданию, отодвинутому чуть вглубь от пристани на огороженной территории. Всем пришлось самим нести свой багаж, страдая под палящим солнцем. Добравшись до ворот, мы были вынуждены остановиться, так как внутрь пускали по одному.

Вход в здание оказался довольно внушительным, с парой кирпичных колонн с каждой стороны. Над ним располагалась большая металлическая вывеска на островном языке, но пониже имелся перевод:

ВЕСЛЕРСКАЯ ПРИЕМНАЯ СЛУЖБА

УПРАВЛЕНИЕ ГАВАНИ

Еще выше развевался флаг – белое поле с темно-синей каймой и двумя символами посередине: большой, нарисованной линиями звезды и дерева.

Мы медленно продвигались вперед, изнемогая от жары. Почти никто ничего не говорил, только один-два человека жаловались на задержку. Я заметил Джаа, поспешно обходившую по краю нашу толпу, прижимая к груди планшетку для записей. Широкополая шляпа затеняла ей лицо, но все равно было видно, что девушке жарко и неудобно. Я обнаружил, что влажным воздухом трудно дышать, и понял, что корабль с его кондиционированным воздухом в салонах и каютах и продуваемыми ветерком открытыми палубами совсем не подготовил нас к условиям, которые могли встретиться на суше.

Наконец я добрался до ворот. За ними располагался небольшой двор, поросший травой, с клумбой огромных экзотических лиственных растений в центре. С одной стороны, поодаль от дорожки, был устроен навес, а под ним длинная скамья и несколько стульев. Там сидели или лежали семеро молодых людей обоего пола. Они не выказывали особого интереса к нашей толпе, продолжающей медленно продвигаться по саду, хотя большинство и смотрело примерно в нашем направлении. Одеты все были небрежно, а в двух или трех случаях – минимально. На всех широкополые шляпы, легкие рубашки, солнечные очки, сандалии.

Я рассматривал их, гадая, кто это и чего они здесь ожидают. Один из юношей заметил мой взгляд и тут же уставился в ответ, но, видимо, уловил, что с моей стороны это лишь вялое любопытство, так что вновь отвернулся. Прежде чем я добрался до дверей здания, одна из молодых женщин тоже взглянула на меня в упор, словно бы с удивлением. Я постарался скроить по возможности нейтральную, ни к чему не обязывающую приветливую улыбку, но женщина не отреагировала и отвернулась. Я заметил, что к запястью ее подвешен нож с длинным лезвием на серебряной цепочке. Рассмотреть его как следует я не смог, потому что, поворачиваясь, девушка откинула его за спину.

Наконец я очутился внутри здания, где было прохладней, хотя и не сказать, что холодно. Здесь наши паспорта и въездные визы тщательно проверили и каждого в отдельности допросили о цели визита. К этому времени Джаа тоже прошла внутрь и, стоя возле барьера, смотрела и слушала. Я не мог понять, к чему

подвергать всех одной и той же бессмысленной процедуре и почему монсеньор Акскон или сама Джиа не могли избавить нас от нее. Однако положение наше было не таково, чтобы спорить, да и в любом случае скоро все закончилось.

Перед зданием уже ждали два больших автобуса, чтобы отвезти нас в отель. Охлажденный воздух в салоне был настоящим удовольствием.

17

Так началось наше турне по островам, занявшее несколько недель, полных выступлений, работы и впечатлений. Подготовленные к поездке концерты в основном состояли из классического репертуара, но в них включили и несколько современных вещей, чтобы показать, какую музыку в Глонде пишут в наши дни. Среди них оказались и две из моих лучших малых работ. Музыкальный руководитель выбрал мой Концерт для фортепиано с оркестром ми-бемоль мажор, написанный несколько лет назад, и недавнюю оркестровую фантазию, которую я назвал «Марш одухотворенных женщин».

Концерт по расписанию исполнялся всего раз, на нашем последнем выступлении вместе с блестящей молодой пианисткой Кеа Уэллер. Она не участвовала в турне, потому что была островитянкой с Теммила, где нам предстояло последнее выступление. Никому из наших не приходилось с ней играть, но ее записи были доступны в Глонде. Перед концертом с Кеа придется порепетировать, но за ней укрепились слава потрясающего виртуоза.

«Марш», фантазия, включал двадцатичетырехтактовую каденцию для скрипки соло, которую мне предложили исполнить на одном из концертов самому. Меня вдохновила на эту вещь демонстрация глондских женщин против войны в Глонд-городе. Неудивительно, что из-за политической сущности этой музыки выбор ее оказался под сомнением, ведь на островах властвует Соглашение о нейтралитете. Сам монсеньор Акскон объявил, что «Марш» не годится для островной аудитории, но я энергично встал на его защиту. Конечно, фантазия была направлена против войны, но против любой войны, а не только той, в которой мы сейчас участвуем. В любом случае эта музыка для меня имела особое значение, потому что одной из демонстранток была Алинна. Наконец, после примерно недельного обсуждения, все согласились включить «Марш»

в репертуар. Его предстояло исполнить несколько раз в качестве короткого вступления, со мной в качестве солиста на одном из концертов ближе к концу турне, на острове Эгер.

В остальном мой музыкальный вклад оставался более или менее таким, как и планировалось с самого начала. Большею частью моя работа проходила вдали от глаз публики. На всех островах, начиная с Веслера, я ходил по школам, колледжам и студиям, встречался там с молодыми и начинающими музыкантами, слушал их игру или смотрел ноты, комментировал, хвалил, подбадривал. Мои замечания всегда оказывались положительными и восторженными.

И притом совершенно искренними. Я был непритворно впечатлен качеством работ молодых исполнителей и композиторов. Обычно их музыка была более традиционной, лиричной и романтической, чем та, которую мы слушали и писали в Глонде, – находившуюся под сильным влиянием милитаристских настроений, преобладавших на протяжении почти всей моей жизни. Для меня было приятно и ново выслушивать морские саги, прославление спортивных побед, любовные песни, эпические сказания об отважных деяниях, народные танцы.

Мы продвигались сквозь Архипелаг. Я опрометчиво предполагал, что он везде будет выглядеть примерно одинаково, но острова оказались бесконечно разнообразны и обладали множеством культурных различий.

Я пытался вести заметки, делал множество снимков, но в конце концов изрядные нагрузки и сложности постоянных переездов с острова на остров меня одолели. Вскоре мне уже вполне хватало отыскать кресло в тенечке на палубе судна, где я в тот момент оказывался, и лениво наблюдать, как проплывают мимо прекрасные острова.

Что до судов, то кондиционированная роскошь лайнера, увозившего музыкантов из Квестиура, редко выпадала снова. Многие из паромов, на которые случалось нам всходить позже, оказывались, мягко говоря, малокомфортабельны. Один едва держался на воде, и я страшился, что может вдруг разразиться буря. Я был убежден, что паром станет смертоносной ловушкой. Большею частью суда были старыми, шумными или грязными. На некоторых не найти было ни еды, ни питья. Однажды мне пришлось делить каюту сразу с тремя попутчиками; еще на одном пароме кают не имелось вовсе, и мы провели долгую ночь на открытой палубе. Впрочем, попало и одно-два достаточно современных и удобных судна.

Удивил меня и тот уровень, которого достигала бюрократия на Архипелаге. Жители островов были непринужденными, щедрыми, дружелюбными, непридирчивыми и неторопливыми. Привратники же их – совершенно иное дело. Когда мы прибыли на Веслер, я заметил некую чрезмерную чиновничью обстоятельность, но, уже покинув тот первый остров, мы столкнулись с постоянно усложнявшими жизнь помехами, почти неизменной чередой въедливых вопросов, проверки бумаг, а иногда и личных обысков.

18

Хорошо, что монсеньор Акскон предупредил нас заранее. Все прихватили с собой небольшие сумки, полученные в ходе предотъездного собрания. Это оказалось совершенно необходимо.

К тому времени как пришла пора покинуть Веслер, оркестранты уже по большей части освободились от психологии групповой поездки. В последнее утро пребывания в Веслер-Гавани мы направлялись в порт поодиночке или небольшими группами. Я лично брел по узким улицам к гавани в полном одиночестве. Передо мной успела выстроиться небольшая очередь – я узнал всех до единого.

Вновь я узрел и группу молодых людей в неформальной одежде, ожидающих перед зданием приемной службы, однако находились они уже в другом месте. Теперь они собрались перед зданием со стороны города, где мы стояли в ожидании проверки выездных виз. Снова они поглядывали на нас, но по-прежнему небрежно, без назойливости или вызова. Мне показалось, они ждут, что мы к ним приблизимся, но не мог даже представить, зачем. Они ничего, похоже, не продавали.

Оказавшись в здании, я подошел к пустующей секции стойки, положив багаж так, чтобы он был виден. Достал из портплекда документы – разумеется, те же самые, которые уже показывал несколько дней назад при въезде. Женщина за стойкой взяла эти бумаги и разложила перед собой на столе. Подавшись вперед и опершись о стойку ладонями, она читала внимательно, касаясь каждого листка кончиками пальцев, переворачивала его, чтобы осмотреть обратную

сторону – обычно пустую, – переворачивала еще раз и прочитывала снова. Я молча ждал. Рядом вдоль стойки так же стояли некоторые из моих коллег, совершенно не понимая, что все это значит.

Наконец чиновница спросила:

– Как вас зовут?

Я сообщил свое имя, хотя оно совершенно отчетливо виднелось на каждой из разложенных перед ней бумаг.

– С какой целью вы посещали Веслер, монсеньор Саскен?

Я, не сомневаясь, что каждому из прошедших передо мной был задан тот же вопрос, спокойно ответил:

– Я член оркестра, совершающего тур в культурных целях. Так же как и все.

– Я спрашиваю не у всех, монсеньор Саскен. Назовите культурные цели вашего тура.

– Мы дали цикл концертов классической музыки в Зале Паласио здесь, в городе Веслер-Гавань.

– Какую музыку вы исполняли?

– Вы хотите знать музыкальный стиль или названия произведений?

– Какую музыку вы исполняли?

И такого рода вопросы продолжались еще несколько минут. Голос у женщины был механический, невыразительный и настойчивый. Я чувствовал угрозу в ее вопросах и, пока тянулись минуты, начинал раздражаться, но в то же время, как ни странно, ощутил к ней жалость. Целый день она вынуждена работать в этом плохо вентилируемом сарае, шумном и неудобном, допрашивая чужаков о причинах их путешествий. Я старался отвечать коротко и по существу. Ни разу за все время допроса чиновница не взглянула на меня прямо, держа вместо

этого голову опущенной, словно сравнивала мои ответы с документами.

Наконец допрос подошел к концу, завершившись несколькими вопросами относительно нашего следующего местопребывания. К счастью, накануне вечером нам напомнили, что следующей остановкой будет остров Манлайл. Моей сильной стороной всегда были впечатления, а не житейские мелочи, так что я был рад напоминанию.

– Манлайл, – сообщил я, толком даже не зная, как это название произносится. Но, по-видимому, это было не важно. Чиновница, не торопясь, собрала мои бумаги. Среди них было и расписание поездки с разборчиво напечатанными названиями всех островов, которые мы собирались посетить. Женщина один за другим сунула документы под штамп франкировальной машины и вернула мне всю стопку.

После этого она наконец посмотрела на меня, и я впервые ясно увидел ее лицо.

– Ваш жезл, монсеньор Саскен.

– Мой что?

– Путешествуя по островам, вы должны иметь с собой жезл. Я хочу его зарегистрировать.

Тут я вспомнил про стержень, лежавший полузабытым в самом низу. Вытащив, я вручил его чиновнице, осознав при этом, что на жезле нет ничего, показывающего, что он именно мой. Может, стоило написать на нем мое имя? Поступил ли так уже кто-нибудь?

Она взяла стержень обеими руками, внимательно осмотрела, легонько повертев в пальцах. Потом повернулась и подошла к машине, выкрашенной тусклой охрой, которая стояла на полке у нее за спиной. Похоже, устройству было уже немало лет. Чиновница сунула жезл концом в отверстие, и он скользнул внутрь на всю длину древка. Немного погодя какой-то внутренний механизм втянул стержень еще чуть глубже, загорелся и погас сигнальный огонек, а потом жезл выскочил из гнезда. Чиновница вернула его мне.

– Спасибо, что посетили Веслер, монсьенор Саскен. Желаю вам приятного дальнейшего путешествия. – Бросив взгляд на людей, выстроившихся позади меня, она повысила голос: – Следующий!

Я поднял багаж и с облегчением вышел на пристань, где ожидал корабль. Осмотрел жезл, пытаюсь понять, что сделала с ним машина, но ничего не обнаружил. Никаких следов – ни штампа, ни какого-либо знака. Может быть, в древесине спрятана магнитная металлическая полоска? Довольный, что процедура закончилась, я спрятал жезл обратно в портплед.

Добравшись до судна, я обнаружил, что сходни еще не спущены. Поставив сумки, я присоединился к остальным собравшимся на причале. Было пока довольно рано, дневная жара на нас еще не обрушилась. Через несколько минут я начал прохаживаться по пристани вдоль вертикальной стены – выкрашенного в черный цвет борта корабля. Посмотрев вниз, я увидел узкую полоску воды, которой тень придавала глубокий зеленоватый оттенок. Глядя на нее, я думал о том, что и это часть моря, океана, раскинувшегося на весь мир. С какой стати пытаться хранить его в секрете? Все эти острова, немыслимо многочисленные, имеющие форму, но лишённые структуры, омываемые морем, – все они детали, части чего-то. Мне мучительно хотелось постичь острова, но реальность все время искажала их образ.

Тем вечером, когда мы медленно плыли к западу, стало ясно, что докучные расспросы чиновников Приемной службы обеспокоили многих из нас. Они, казалось, нисколько не соответствовали ленивому, неназойливому образу жизни островитян, с которыми мы познакомились на Веслере.

Джиа сидела вместе с нами в салоне.

– Это все постоянное беспокойство из-за дезертиров, – объясняла она. – Они – проблема всех островов. Когда призванным в армию удастся скрыться из военных частей в Зюйдмайере, им остается отправляться только на север, а это значит – на острова. Большинство пытается осесть в первом же месте, до которого доберется, но, как правило, острова южного полушария неприветливы к дезертирам или заняты военными базами. Поэтому многие беглецы вынуждены двигаться дальше. Некоторым удастся добраться до этих широт. Разные острова практикуют разную политику. Некоторые автоматически предоставляют дезертирам убежище и защиту, другие отказывают, третьи не приняли окончательного решения. Правила приема беглецов – большой вопрос

по всему Архипелагу. У всех островов одна и та же проблема: армии враждующих сторон суровы к дезертирам, и любой остров, давший им приют хотя бы непреднамеренно, с большой вероятностью наводнят рыщущие по улицам отделения вооруженных солдат.

– Разве это законно? – спросил один из слушателей.

– Строго говоря, нет. У нас ведь нейтралитет. Но они все равно приходят. Вас они, вероятно, не побеспокоят, но вот процедуры въезда на большинство островов из-за дезертиров очень строги.

Коллеги продолжали забрасывать ее вопросами, я же вдруг глубоко задумался о брате. Не в этом ли объяснение того, что с ним случилось? Быть может, Джек дезертировал, бежал из армии, к которой питал лишь отвращение? Он может сейчас быть где угодно, скрываться. Как смогу я в таком случае когда-либо его найти?

И откуда мне знать, с чего вообще начать поиски? Вопреки моим ожиданиям, личного времени у меня оставалось очень мало. Уже во время пребывания на Веслере я обнаружил, что каждый день заполнен делами до отказа. Обычный ритм жизни в отеле, приемы пищи, потом поездки по местам выступлений и обратно сами по себе создавали немалые задержки.

Но образовались и другие дела, тоже отнимавшие время.

Скажем, на репетициях возникали проблемы с неровным темпом – никто из нас никогда прежде с таким не сталкивался. Ударники утверждали, будто оркестр от них все время отстает, дирижеры же заявляли, что ударники просто недостаточно репетировали. Из-за этого возникло по меньшей мере две неприятных склоки, и в результате потребовались дополнительные репетиции. Затем все мы обнаружили, что наши выступления не укладываются в заданное время. Они выходили за назначенные пределы, даже если мы начинали тютелька в тютельку и все время старались держаться расписания.

Были и еще проблемы; в моем случае семинары и мастер-классы обычно проводились в местах, далеких от центра города, так что я был вынужден тратить время, чтобы туда добраться. Вообще, приходилось улаживать множество мелких организационных неурядиц: неожиданно объявлялись

важные персоны, которых требовалось приветствовать и улаживать; все вечно шло не так, запланированные события происходили не тогда, когда следовало, люди постоянно терялись, опоздания были в порядке вещей, деревянные духовые принимались спорить с медными, и ко всему постоянная усталость, усталость...

19

Корабли, старые или новые, но большей частью старые, позволяли немного отдохнуть от напряжения гастролей. Как и планировалось, вслед за Веслером мы посетили Манлайл, а затем Деррил. После Деррилла... ну, могу лишь сказать, что, хотя каждый остров, каждое выступление отличались от остальных, после первых трех-четырех они начали сливаться в памяти. Недавно я нашел путевой лист, которым меня снабдили перед поездкой, и теперь, глядя в него, вижу своего рода *cadent continuo*, равномерный ритм загадочных названий: Веслер, Манлайл, Деррил, Отмель Ривер-Фаст, Эгер, Тенкер, Ганнтены. Большинство деталей, касавшихся этих островов, слились в обобщенный образ, остались лишь картинки, не привязанные к конкретным названиям. Яркие воспоминания, необычные и волнующие.

Мы перемещались по Архипелагу зигзагами, иногда забирая чуть южнее, иногда северней, но в целом придерживаясь восточного направления; поднимались на борт, вновь спускались, держа свои инструменты или тревожась, когда их доставлял кто-то другой; ели, сидели, встречались с местными знаменитостями, аплодировали, пытались уснуть, репетировали, выступали; впитывали в себя атмосферу Архипелага.

Приближался конец поездки. Глонд с его промышленным чадом и военной хунтой, казалось, находится где-то на другом конце света. Да так оно, в прямом смысле слова, и было: нас разделяла половина глобуса, и былые заботы казались пока что мелкими и незначительными. Музыка, ради которой я жил, приносила плоды. Мне хотелось остаться на этих островах навсегда.

Погода держалась все столь же жаркой и безветренной, море почти неизменно пребывало в спокойствии. Однажды ночью хлестал проливной дождь, но я спал у себя в каюте глубоко в недрах пассажирской палубы и узнал о непогоде лишь на

следующее утро. Шествие островов продолжалось, и какое-то из этих прекрасных мест оказалось местом нашего назначения в тот день. Во мне не ослабевало возбуждение, чувство побега; пока мы спускались с парома, проходили уже ожидаемые допросы в службах Укрытия и Приема, дышали ароматным воздухом нового острова, готовились к потрясению от встречи с неожиданным, впитывали яркую зелень лесов, сияние залитых солнцем песчаных пляжей и беленых вилл, головокружительные выси гор, блеск белопенно-синих лагун, и бросались, как в приключение, в новую страну.

В каждом порту имелась контора службы Приема – мы научились проходить допросы побыстрее, так как все теперь видели в этих задержках не более чем преходящий раздражающий фактор. Куда более интересным для меня было неизменное присутствие группы молодых людей вроде той, которую я заметил при въезде на Веслер.

Несколько человек всегда маячило перед офисами Укрытия и Приема – одетых кое-как, расслабившихся на солнышке или укрывшихся под навесом. Они словно поджидали нас: прибываем, и они там; отъезжаем – они на месте. Отчего-то я всегда ощущал неловкость в их присутствии.

Это тревожное, но расплывчатое ощущение я поначалу принимал за чувство угрозы. Зачем они здесь? Что им нужно? Почему некоторые носят ножи? Но они никогда ни к кому из нас не приближались, ничего нам не говорили, и вообще, даже если смотреть на них в упор, казалось, нас едва замечали и отводили взгляды. Я взял в привычку бегло поглядывать на них и сразу отворачиваться, отводя взгляд, так что отслеживал их присутствие, не таращась постоянно.

Когда мы побывали на нескольких островах, я осознал, что некоторые из молодых людей одни и те же, и мы видим их на каждом острове – каким-то образом они умудряются прибывать раньше нас, откуда-то знают, куда и когда мы направимся. Ядро группы составляли примерно пятеро, которые неизменно оказывались среди встречающих.

Но были и другие, появлявшиеся менее регулярно, – все примерно одного возраста, в равно неряшливой одежде, одинаково выражающие своими позами безделье или пренебрежение. Дополнительные персоны появлялись и исчезали, разные на лицо, но схожие обликом. На острове Кэ их количество выросло до пятнадцати человек, остальные острова привлекали меньшие группы. Ядро оставалось неизменным. Мы им не нравимся, решил я, не зная толком, кто они и

что собой представляют.

Как ни странно, я, кажется, единственный из участников турне обращал на них внимание. Остальные их как будто не замечали или вели себя так, словно не замечают.

Тур заканчивался на Теммиле, острове, где жил человек, занимавшийся плагиатом моих произведений. Этот факт добавлял посещению острова пикантности, но к тому времени, как мы туда добрались, я о плагиаторе почти и не думал. Все еще казалось, что путешествие пройдет гладко, что не может случиться ничего плохого.

Ничего и не случилось там, на Теммиле, Перекрывающем Воздух.

20

Главный город острова, и он же единственный крупный порт, назывался Теммил-Прибрежный. В Прибрежном как раз недавно открылся концертный зал, чем местные жители чрезвычайно гордились. Нам продемонстрировали его вскоре после прибытия. Зал был действительно большой и удобный, а сценическая техника и акустика там были лучшие, какие мне только встречались.

Мы завершили наш тур на этом острове гала-концертом – пять крупных произведений с двумя антрактами и специально выделенным интервалом в конце на случай, если потребуются бисировать. Мой концерт для фортепиано должен был исполняться после первого антракта. Солистка Кеа Уэллер жила в Прибрежном и в первый же день нашего пребывания в городе пришла, чтобы представиться оркестру.

Я рвался познакомиться с ней, обсудить ее интерпретацию моей работы, но нашему приглашенному дирижеру в тот вечер, всемирно известному монсьёру Байану Крону, эта идея не понравилась. Я ожидал чего-то подобного, так что не стал настаивать. Однако монсьёр Крон предложил мне провести короткую встречу с Кеа, на которой собирался присутствовать.

Я провел с Кеа Уэллер всего несколько минут. Ее манера держаться показалась мне приветливой и ободряющей, подход к музыке – бодрым и профессиональным. Вопросы и замечания певицы были уместными, вежливыми и точными, но едва мы начали разговор, как монсеньор Крон утащил ее прочь.

Репетиции проходили без меня, потому что со следующего дня я вел семинар по композиции совсем в другой части города. Мне удалось посмотреть немного окружающую местность. Город и порт Теммил-Прибрежный были красочными, но внутренняя часть острова внушала подлинное величие. То была гористая территория, над которой возвышался активный, хотя покуда дремлющий вулкан Гроннер, расположенный посреди западного хребта. Мой семинар проходил в местной общеобразовательной школе. Окна главного зала смотрели на холмы, пик вулкана четко обрисовывался на среднем расстоянии. Вокруг вершины плавали струйки газа или пара.

На второй день я в одиночестве шел пешком от школы к отелю, когда вдруг вспомнил про Анда Анте, молодого человека, списавшего мою музыку.

Путевые переживания так поглотили меня, что я о нем почти забыл. Конечно, я принял решение, казавшееся мне тогда зрелым и взвешенным, спустить дело, но ведь сейчас я здесь, на том самом острове, где он живет. Теммил – уже не место где-то вдалеке, остров, затерянный на другом конце света, – он здесь, вот он, вот эти горы, этот город, это море. Возможно даже, и пожалуй что вероятно, монсеньор Анте и живет здесь, в Прибрежном. Студия звукозаписи, где он играл, находится на этих улицах. Может быть, я уже и встречался с ним, сам того не зная.

Вечера и дни были сплошь забиты делами. Я был счастлив, поглощен, погружен в увлекательнейшую музыкальную авантюру. Не было у меня времени на Анда Анте с его электрогитарой, неважно, кто он такой.

За полтора дня до гала-концерта я попытался связаться с Алинной. Так как мы оба знали, что коммуникации между островами и материком почти отсутствуют, то договорились, что, если ничего не услышим друг о друге до моего возвращения, не станем слишком тревожиться. После финального собрания, прежде чем расстаться, я дал Алинне два адреса до востребования, один на острове Кэ, другой здесь, на Теммиле; но, проверив почтовое отделение, ничего там от нее не обнаружил.

Тем не менее с каждого острова, который мы посещали, даже с самой короткой из остановок, я посылал ей либо небольшое письмо, либо открытку. По крайней мере, какие-то из них, рассуждал я, проникнут сквозь непроницаемые барьеры, казалось, разделявшие нас с женой.

В отеле, где мы остановились, мне сообщили, что недавно появилась возможность позвонить в Глонд по телефону, так что я сразу прошел к себе в комнату и заказал разговор. Ждать соединения пришлось больше часа. Не знаю, что там случилось, что пошло не так, но пробиться не получилось. Мне поочередно говорили, что мой номер не отвечает, что все линии на материк заняты, а после одной продолжительной попытки, во время которой у меня в ухе шуршали странные невнятные звуки, заявили даже, что мой домашний телефон, по-видимому, отключен.

В тот же день, позже, я написал Алинне очередное письмо, где рассказал про все это и обещал, что через несколько дней мы отправимся домой. Доберется ли письмо раньше меня, я понятия не имел, но все же его отправил.

Наутро в день концерта я вместе с еще несколькими музыкантами отправился в небольшую экскурсию по острову. Нас возили по окрестностям Прибрежного в современном автобусе с кондиционером. Кульминацией поездки стал подъем по дороге, ведущей к вершине Гроннера.

Пока мы ползли вверх, огибая опасные склоны и пугающие обрывы, водитель, она же экскурсовод, рассказывала нам, насколько важен вулкан для острова. По ее словам, это был один из немногих активных вулканов на Архипелаге. Вулкан – символ Теммила, говорила она, силуэт Гроннера изображен на флаге острова, выбит на реверсе симолеонов местной чеканки, используется в эмблемах многих фирм и магазинов. Богатая почва на нижних склонах позволяет выращивать виноград, вино из которого ценится по всему свету. Крупных извержений не случалось уже больше века, однако облачко горячего дыма и вулканических газов постоянно клубится над главным кратером, истекая из многочисленных fumarol на неровных склонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/prist_kristofer/gradual

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)